МГП и СМИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Научный журнал об актуальных проблемах международного гуманитарного права и средствах массовой информации

№ 1 / 2018

В НОМЕРЕ:

Стр. 15

Российский Красный крест от Крымской войны до Первой мировой

Стр. 37

Обеспечение соблюдения МГП во время и после окончания вооруженных конфликтов с террористическими группами

Стр. 66

Международное гуманитарное право в системе подготовки журналистов

e-mail: mgp_smi@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Центр исследований деятельности информационных служб и СМИ в условиях вооруженных конфликтов издает научный журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ». Наш центр функционирует на базе Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

Основные задачи издания:

– пропаганда основ международного гуманитарного права;

– изучение специфики и закономерностей функционирования средств массовой информации и органов информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов;

– исследование особенностей взаимодействия СМИ с ведомственными органами информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;

– популяризация знаний о способах взаимодействия журналистов и органов информационного обеспечения в условиях войн, вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;

– изучение теории и практики отечественной и зарубежной военной журналистики.

Приглашаем к сотрудничеству исследователей в сфере международного гуманитарного права (МГП), теории и практики военной журналистики, профессиональных журналистов, преподавателей, аспирантов и магистров.

Редакционная коллегия

Главный редактор – **А.В. Козлов**, доктор исторических наук, профессор.
Ответственный секретарь – **А.Ш. Салихов**, кандидат исторических наук.

Члены редколлегии:

С.Н. Бабурин, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Т.Н. Владимирова, проректор, директор Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета, доктор педагогических наук, доцент.

Н.А. Карташов, шеф-редактор журнала «Человек и Закон», заслуженный работник культуры Российской Федерации.

А.Е. Карлов, начальник учебно-методического отдела Военного университета МО РФ, кандидат психологических наук, доцент.

Т.Д. Матвеева, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

В.О. Микрюков, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Академии гражданской защиты МЧС России, кандидат философских наук, доцент.

В.А. Силкин, секретарь Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

З.А. Станкевич, доктор юридических наук.

В.Н. Литовкин, военный обозреватель ТАСС.

О.И. Чердаков, проректор по учебной и научной работе Международного юридического института, доктор юридических наук, профессор.

В.И. Черемухин, секретарь Союза журналистов Москвы.

Т.М. Шамба, президент Коллегии адвокатов города Москвы «ТАМИР», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала с концевыми ссылками на использованные источники.

Статьи необходимо присылать в адрес редакции (mgp_smi@mail.ru).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 – 66970 от 25.08.2016 года.

Адрес редакции: 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская д. 16-18, тел: +7 (926) 2751075.
E-mail: mgp_smi@mail.ru

В выпуске журнала принимали участие студенты Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета М.М. Дяченко, В.А. Козлова, Э.Р. Кутдусов, О.Н. Новикова, А.Н. Новикова, М.Г. Руденкова, В.А. Тархова, А.В. Юранова. Перевод – В.А. Козловой.

Подписано в печать 29.12.2017 г.
Типография "Белый Ветер". Тираж 500 экз. Заказ №
Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: (495) 651-84-56.
E-mail: wwprint@mail.ru

© Журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ», 2018.

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТ НА ВОЙНЕ

Литовкин В.Н.
Litovkin V.
Строки, оплаченные кровью 4

НОВОСТИ «ГУМАНИТАРИУМА»

Онлайн-курс для военных корреспондентов 10

Обновленные Комментарии к Женевским конвенциям
и Дополнительные протоколы к ним 11

КОНФЕРЕНЦИИ

Контртерроризм: правовые проблемы и региональные подходы 12

На XII Съезде Союза журналистов России 14

ИСТОРИЯ МГП

Громова А.В.
Gromova A.
Российский Красный Крест от Крымской войны до Первой мировой 15

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МГП

Брюно Демейер, Линдсей Камерон, Эва Ла-Э,
Хейке Нибергалл-Лакнер, Жан-Мари Хенкертс
Bruno Demeyere, Lindsey Cameron, Eve La Haye,
Heike Niebergall-Lackner, Jean-Marie Henckaerts
Обновленный комментарий к Женевской конвенции I —
новый инструмент для обеспечения соблюдения
международного гуманитарного права 22

Маммадов У.
Mammadov U.
Обеспечение соблюдения МГП во время и после окончания вооруженных
конфликтов с террористическими группами: от судов организованных
вооруженных групп до международных судебных учреждений 37

ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЯ

Нестерова С.В.
Nesterova S.
Включенность мирового сообщества в формат поддержания универсального режима обеспечения предписаний международного гуманитарного права 44

Прилепский В.Ю.
Prilepskiy V.
Семенов А.А.
Semenov A.
Современные технологии переформатирования политического пространства 55

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Салихов А.Ш.
Salikhov A.
Информационное сопровождение миротворческой операции в Республике Таджикистан 60

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И СМИ»

Козлов А.В.
Kozlov A.
Международное гуманитарное право в системе подготовки журналистов 66

КОНКУРСЫ И ОЛИМПИАДЫ

Литовкин Виктор Николаевич, военный обозреватель ТАСС.

СТРОКИ, ОПЛАЧЕННЫЕ КРОВЬЮ

На войне гибнут не только солдаты и офицеры, но и журналисты. Это печально, но, как говорится, из песни слов не выкинешь. Только с начала вооруженного конфликта на Украине погибли пятеро российских репортеров.

Корреспондент информагентства «Россия сегодня» Андрей Стенин. Автомобиль, в котором он ехал на редакционное задание, был расстрелян и сожжен на шоссе около Донецка. В самом Донецке был убит оператор «Первого канала» – Анатолий Клян. Он был одним из пассажиров автобуса с солдатскими матерями, которые ехали в воинскую часть, чтобы проведать своих сыновей. А под Луганском под обстрел попала съемочная группа «Вестей» в тот момент, когда журналисты готовили репортаж о гуманитарном коридоре для мирных граждан. Звукоинженер Антон Волошин погиб на месте, корреспондент Игорь Корнелюк скончался в больнице. В районе поселка Авдеевка жертвами украинских силовиков стали итальянский фотокорреспондент Андрэа Роккелли и его переводчик Андрей Миронов. В киевской больнице скончался корреспондент газеты «Вести» Вячеслав Веремий, его расстреляли неизвестные в масках.

По всем этим преступлениям, а то, что это преднамеренное убийство журналистов – ни у кого нет сомнений. Следственным управлением при МВД России ведутся уголовные дела – виновные не уйдут от ответственности. Но эта надежда не может скрыть того обстоятельства, что работа журналиста на войне стала такой же опасной, как и действия военнослужащих. Хотя по всем международным правилам журналист – гражданское лицо, в него нельзя стрелять. Но стреляют и специально.

Вот еще несколько цифр и фактов. Война между правительственными войсками и боевиками-исламистами разразилась в Сирии летом 2011 г. и не утихает до сих пор. В списке журналистов, погибших во время обстрелов – десятки имен. По состоянию на конец 2013 г., когда были сделаны официальные подсчеты, в этой стране были убиты 63 репортера, еще 60 были похищены или пропали без вести, судьба половины из них до сих пор неизвестна. Сегодня эти цифры гораздо больше. Мы помним и то, как террористы из запрещенного в России «Исламского государства» публично казнили на телевизионные камеры двух американских журналистов – Стивена Сотлоффа и Джеймса Фоули. Демонстрацией этого варварства бандиты в черных масках хотели запугать пишущую братию, их родных и близких, заставить прекратить показывать людям кровавые и бесчеловечные преступления исламских радикалов. Не получилось! И не получится никогда!

Журналистов, выполняющих свой профессиональный долг в горячих точках, рассказывающих людям о трагедиях войны и междоусобных конфликтах, недопустимости религиозной розни, которая приводит к трагедиям целых народов, о коварстве сильных мира сего, которые сталкивают лбами целые государства, организовывают «цветные революции» ради своих корыстных и эгоистических геополитических интересов, остановить невозможно. Несмотря ни на какие потери. Только в Ираке после американско-натовской агрессии против этой страны погибли более 373 журналистов. Это больше, чем потери пишущих и снимающих коллег в годы Второй мировой войны. Тогда с фронтов не вернулись 69 репортеров.

Впрочем, газетчики, телевизионщики и радийщики, их коллеги из электронных СМИ гибнут не только в междуречье Тигра и Евфрата. Во время войны во Вьетнаме сложили голову 63 журналиста. В Северной Корее – 17. Только в 2005 г. за свою профессию заплатили жизнью 47 работников СМИ. А за годы боевых действий и проведения антитеррористических операций на Северном Кавказе скорбный список убитых и раненых журналистов, побывавших в заложниках у террористов или

пропавших без вести, пополнился 30 фамилиями. Самым последним в нем стал погибший в Назрани Тамерлан Казиханов, руководитель пресс-службы антитеррористического центра МВД России по Южному федеральному округу. Его отснятые на камеру сюжеты из зоны боевых действий очень часто демонстрировались на центральных телевизионных каналах.

Что можно и нужно сделать, чтобы защитить жизнь репортера, работающего в горячей точке? Кто за нее в ответе? Сам пишущий и снимающий, или те органы и организации, под «крышей» которых он работает, или на территории которых он работает? Другими словами: «спасение утопающих – дело рук самих утопающих»? Все это далеко не праздные и не риторические вопросы. Потому что за ними стоит чья-то вполне реальная жизнь, здоровье и профессия, а с другой стороны – репутация и ответственность тех государственных и частных структур, которые откомандировали репортера в экстремальную зону, и тех организаций, их руководителей, что приняли его, аккредитовали и предоставили ему возможность выполнять профессиональные обязанности.

Долгое время практически всегда эти две ипостаси – ответственность журналиста за свою жизнь и ответственность организации за его жизнь – никак не совпадали. Газетчик, телевизионщик, радийщик, стрингер или штатный сотрудник СМИ летел в зону боевых действий по зову сердца или по заданию редакции, а там он, даже аккредитованный при соответствующей пресс-службе или штабе, получал только скудные, заполненные общими выражениями пресс-релизы и запреты ходить туда и сюда, не дергать по пустякам ответственных лиц. В результате вынужден был искать источники информации на стороне. Где и как – неважно. Главное, чтобы можно было что-то основательное и интересное передать в редакцию. Часто такая рискованная практика работы заканчивалась скандалами, а изредка – и гибелью пишущего и снимающего.

Наладить отношения между журналистами и официальными структурами, помочь газетчику и телевизионщику сохранить свою жизнь в экстремальной обстановке решил Союз журналистов Москвы. Его Ассоциация военной прессы совместно с Министерством обороны разработала концепцию межведомственной спецподготовки представителей информационных структур, работающих в экстремальных условиях. А концепция, которую поддержало Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, воплотилась в Учебно-практические курсы по подготовке журналистов для работы в горячих точках «Бастион». Они включили в себя и тот опыт, который использует в своей работе Секретариат ОДКБ, который уже проводил подобные курсы.

Автору этих строк повезло оказаться одним из первых слушателей теоретических и практических занятий, участвовать в круглых столах-тренингах, которые «Бастион» провел не для студентов факультетов журналистики, сотрудников центральных и региональных российских и зарубежных СМИ, представителей пресс-служб и центров общественных связей различных силовых структур, а для, скажем так, репортеров-ветеранов горячих точек. Тех журналистов, кто не раз и не два побывал на войне – в Афганистане, Югославии, Ираке, Израиле, Палестине, Абхазии, Приднестровье, Южной и Северной Осетии, Дагестане и Чечне. Фамилии, думаю, называть не стоит. Люди, отслеживающие информацию из этих мест, их хорошо знают.

«Мы специально собрали на первые занятия не слушателей, а фактически экспертов, – сказал мне один из инициаторов этих курсов президент Ассоциации военной прессы и в то время сотрудник Управления информации Минобороны России полковник Геннадий Дзюба. – Хотим провести своеобразный мастер-класс, чтобы прокатать на них программу обучения, получить конкретные замечания от опытных коллег, что приемлемо – что нет, какие вопросы лишние, а какие не проработаны. Получить точные рекомендации, как надо действовать в той или иной ситуации, а

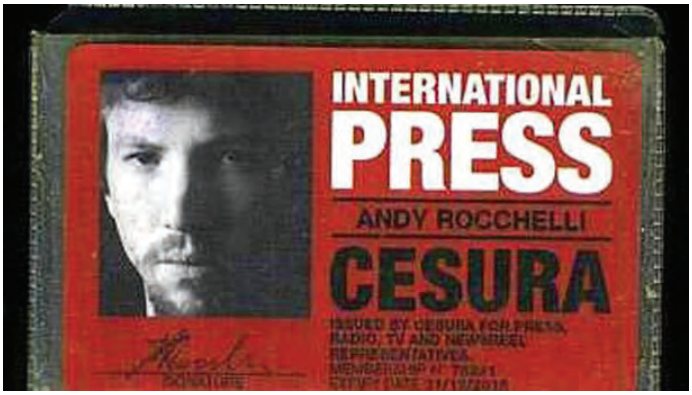
потом выпустить учебные пособия, даже документальный фильм, разослать эти материалы по редакциям. Уверен, они помогут журналистам, работающим в горячих точках, правильно оценить обстановку, как можно лучше выполнить редакционное задание и, главное, сохранить свою жизнь и здоровье».

Должен сразу сказать, программа обучения разработана достаточно хорошо. Журналистам не пришлось брать в руки оружие, стрелять по мишеням и садиться за рычаги боевых машин, как об этом сообщили некоторые информационные агентства. Это никому даже не предлагалось. Хотя с тактико-техническими характеристиками автоматов, пулеметов и пистолетов разных стран, как и с изготовленными террористами минами-ловушками, боевыми инженерно-саперными заграждениями, с системами связи, с организацией боя в городе работников СМИ, безусловно, знакомили. А также с тактикой проведения поисково-спасательной операции и ликвидации последствий стихийных бедствий, с действиями правоохранительных органов во время уличных беспорядков, с правилами оказания первой медицинской помощи.

Сотрудники ФСБ, МЧС, МВД, Минобороны и других силовых структур, особенно офицеры учебного центра «Выстрел» Общевойсковой академии Вооруженных Сил, на базе которого проводились занятия, подготовились к ним очень серьезно. Пригласили людей, воевавших и знающих о работе военного журналиста не понаслышке, дали возможность поговорить, что называется, по душам, а заодно предоставить шанс пишущей и снимающей братии почувствовать, что такое «перемещаться от точки А к точке Б» в зоне активных боевых действий.

Правда, многие из обучаемых, повторюсь, с этим были хорошо знакомы. Тем не менее, мы выработали совместно и общие правила поведения репортера в зоне боевых действий и чрезвычайных ситуаций. Хотя, сделаю оговорку, не все эти правила безусловны. Объясню, почему.

Корреспондент информагентства «Россия сегодня» Андрей Стенин.



Удостоверение фотокорреспондента Андрэа Роккелли.

Вот одно из них – не ходи сам, без сопровождения, нигде. Полковник, Герой России, провоевавший в Чечне не один год, прокомментировал этот постулат так: «Я сам не ходил ночью по своим боевым позициям. Потому что хорошо знал своих отъявленных мерзавцев – они стреляли в это время во все, что шевелится». Есть неофициальная статистика. 40 процентов потерь на войне происходит от «дружеского огня», то есть от стрельбы по своим. Не нужно умножать эту цифру. Для этого надо следовать еще одному правилу: не лезь поперед батьки в пекло, не рвись в эпицентр событий. Еще один полковник, не Герой, но все же, пояснил это требование просто: «Реши для себя главное, что важнее: получить Пулитцеровскую премию за уникальный кадр или остаться живым и выполнить задание редакции». Объяснить офицеру, что для настоящего журналиста одновременно важно и то, и другое, не получилось.

Но когда еще одного участника войны в Чечне спросили, видел ли он, как погибали журналисты, и что привело именно к этой гибели, тот ответил: «Да, видел. Был убит репортер. Хотя и не наш». А случилось это в начале января 1995 года, когда шли бои за железнодорожный вокзал в Грозном. Спецназовцы захватили один из домов, уничтожив обороняющих его боевиков. Но подкрепление, что послали «духам» на поддержку, об этом не знало. Боевики шли через площадь во весь рост. Впереди вышагивал какой-то мужчина, одетый, как все, во все черное, такой же бородатый. К тому же на груди у него болтался какой-то предмет, очень похожий в сумерках на короткоствольный автомат. Потом выяснилось, что это была видеокамера. Но сначала прозвучали выстрелы по головной группе и по нему тоже.

Отсюда вывод: журналист должен обозначить себя. На его каске и бронежилете должно быть крупно написано: ПРЕССА. Но опытные репортеры знают: такое обозначение – отнюдь не гарантия от пули. Бывает, снайпер специально охотится на репортеров как на «самую аппетитную цель». Это очень хороший повод показать – плохо охраняет их противоборствующая сторона: «даже этого она сделать не в состоянии, тем более выиграть бой и войну». К тому же редко кто из отечественных журналистов, находящихся в горячей точке, имел в то время бронежилет и каску. Как правило, ими должна обеспечить своего сотрудника редакция, как и страховкой, спальником и элементарным набором продуктов, если человек, к примеру, экстренно отправляется в зону ликвидации стихийного бедствия, где его никто не ждет. Увы, этого в родных пенатах тогда почти нигде не было. Сейчас это уже исправляется, появились бронежилеты и каски, но риск для жизни и здоровья репортера не стал сильно меньшим. Никто из начальников, подписывающих командировку, никогда не скажет, чтобы ты лез в пекло, рисковал своей жизнью и здоровьем, но, если ты не пришлешь или не передашь эксклюзив, напишешь или снимешь как все, уважения к себе не жди. Такова наша профессиональная жизнь. Тут уж как повезет. Куда и как выведет тебя здравый смысл или здравый авантюризм. Хотя бывает ли авантюризм здравым – это вопрос.

Антон Волошин и Игорь Корнелюк.

Конечно, пишущему журналисту в отличие от телеоператора совсем не обязательно лезть на линию огня, ему достаточно хотя бы издали, из безопасного места увидеть, что и как там происходит, этой «картинки» хватит надолго. А потом, разыскав в ближнем тылу одного или нескольких интересных собеседников или других людей, обладающих «вкусной информацией», расспросить их обо всем, что он хочет. Даже услышать такие истории, о которых невозможно догадаться или придумать.

Получается это не всегда. В первую очередь потому, что по разным причинам не срабатывают профессионально именно те, кто должен свести репортера с такими людьми, обеспечить его массивом самой разнообразной информации и в таком объеме, да такого содержания, чтобы ему некогда и незачем было бегать под огнем, рисковать своей жизнью и здоровьем. Чтобы он мог передать в редакцию тот материал, который, не будем скрывать этого, «выгоден» принимающей его стороне. Я говорю о пресс-службе. Увы и ах, зачастую эта структура мало того, что работает крайне непрофессионально и незаинтересованно, но и просто боится проявить какую-либо инициативу, лишний раз пробиться к тем или иным начальникам, помочь решить проблемы, которые возникают у журналистов, расположить их к себе и к своей организации, подсказать какую-то тему, навести на любопытного собеседника... Очень часто не хотят эти люди быть соавторами «забойных» репортажей и очерков, написать которые мечтает почти каждый нормальный журналист. А главное – нести ответственность за то, что напишет и снимет репортер. В первую очередь перед собственным руководством. А отсюда и большинство ЧП, что случаются с нашим братом, вынужденным действовать по пословице: «волка ноги кормят».

Интересно, что большинства руководителей пресс-служб силовых структур на первых занятиях курсов «Бастион» почему-то не оказалось. Хотя прямой диалог между ними и журналистами, думаю я, был бы полезен обеим сторонам. Как, уверен, был бы полезен и специальный курс во всех военных училищах и академиях по обучению будущих и действующих офицеров общению с прессой, выпуск специальных памяток для солдат и сержантов, командиров взводов, рот, батальонов и полков. Какая, к примеру, существует в армии США. Первым пунктом там стоит: «Не ври

репортеру». Тоже, кстати, важное правило, которое стоило бы вызубрить многим чиновникам как в погонах, так и без них.

Тут, конечно, нужно сделать оговорку. Сейчас занятий курсов «Бастион» прошло уже больше десятка. Не только в Подмосковье, но и в Ленинградской области, под Волгоградом, на Дальнем Востоке, в Крыму. Многие проблемы, проявившиеся на первых занятиях, устранены. Но многое еще придется совершенствовать.

Почему я об этом пишу? Зачем сугубо внутрицеховые проблемы выношу на суд общественности, которой, может быть, нет никакого дела до того, как и за счет чего добываются горячие новости для телевидения, радио, газет.

Как работают репортеры, кто и что им помогает и мешает. Почему нет согласованности на том или другом этапе подготовки информационного материала. И кто за это в ответе. Зрителю и читателю необходим только «информационный товар», а технология его создания – пусть остается за кулисами. Как и то, из чего все-таки печется хлеб, получается молоко. «Из какого сора растут стихи, не ведая стыда».

Все так. Но хочется, чтобы люди знали: те несколько строчек, что вы пробежали глазами в газете, те несколько кадров, что промелькнули перед вами на экране телевизора, нередко оплачены не рублями и долларами, а чьей-то жизнью. Единственной и неповторимой. Об этом тоже стоит помнить.

Мнение автора не всегда и не обязательно совпадает с официальной позицией агентства.

Виктор ЛИТОВКИН

ОНЛАЙН-КУРС ДЛЯ ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

На сайте Региональной делегации МККК в России, Беларуси и Молдове начал функционировать дистанционный онлайн-курс для военных корреспондентов (www.course.mkkk.org). Он предназначен, в первую очередь, для журналистов, находящихся в зоне вооруженного конфликта или отправляющихся в горячую точку.

Создание курса анонсировал заместитель главы Региональной делегации МККК в России, Беларуси и Молдове господин Готье Лефевр в интервью нашему журналу («Актуальные проблемы МГП и СМИ», № 1, 2017).

«Для представителей этой профессии знания МГП очень важны, как в плане их защиты, так и правдивости, точности публикаций, – сказал Готье Лефевр. – В свою очередь, мы сейчас работаем над созданием онлайн-курса для военных корреспондентов. В него войдет изучение базовых норм МГП».

Участие в составлении курса приняли Международный Комитет Красного Креста (МККК), эксперты в области международного гуманитарного права (МГП), первой медицинской помощи, Союз журналистов России, АНО «Русская гуманитарная миссия», а также журналисты-практики.

«Журналисты, рассказывающие миру о конфликтах и ситуациях насилия, – констатируют создатели курса, – играют особую роль, так как формируют представление о происходящем их участников и тех, кто принимает решения, которые могут непосредственно влиять на ход конфликтов. Эта особая роль также заключается в предотвращении конфликтов и защите мирных граждан, так как репортажи из районов напряженности могут служить механизмом раннего предупреждения о потенциальной возможности преступлений против человечности, геноцида, пыток и других нарушений МГП».

Но, к сожалению, существует тренд к увеличению нарушений норм в отношении представителей прессы. Число погибших и раненых ежегодно растёт.

Курс призван познакомить будущих и действующих журналистов с основами МГП. Это поможет им юридически грамотно освещать происходящее во время конфликта. Они узнают о принципах и формах работы Международного движения Красного Креста, с сотрудниками которого им наверняка предстоит встретиться в опасных командировках, о том, какую помощь они могут получить и какой защитой пользуются в соответствии с МГП. Курс содержит практические советы по подготовке к опасной командировке, поведению в зоне конфликта и выходу из стрессовых ситуаций. Советы по оказанию первой помощи помогут в случае получения травм и ранений.

Безусловно, данный курс послужит хорошим подспорьем для студентов, изучающих в вузах дисциплину «Международное гуманитарное право и СМИ». Прошедшие онлайн-курс и правильно ответившие на большинство вопросов теста получат специальный сертификат.

Валерия Козлова

Фото пресс-службы Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в Российской Федерации, Беларуси и Молдове.

ОБНОВЛЕННЫЕ КОММЕНТАРИИ К ЖЕНЕВСКИМ КОНВЕНЦИЯМ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОТОКОЛЫ К НИМ

В московском центре «Гуманитариум» при региональной делегации Международного комитета Красного Креста в России, Беларуси и Молдове прошла презентация обновленных Комментариев к Женевским конвенциям и Дополнительным протоколам к ним.

С момента их первой публикации Комментарии стали важным источником информации по применению и толкованию этих договоров.

Начиная с 2011 г. МККК и группа ведущих экспертов были вовлечены в процесс обновления Комментариев. Цель – предоставить соответствующие требованиям времени интерпретации ЖК и ДП, которые бы отражали современную практику применения, и обеспечивали доступ практикующих специалистов и ученых к всеобъемлющей правовой информации высокого качества.

Презентация состоялась в «Гуманитариуме» и дала возможность обсудить методологию и процесс обновления, а также эволюцию толкования договорных норм, отраженную в Комментариях к Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и Конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море.

С докладами на круглом столе выступили: глава отдела по разработке обновленных Комментариев штаб-квартиры МККК Жан-Мари Хенкертс; советник Конституционного суда Республики Армения Владимир Варданян; президент Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Николай Гнатовский; генеральный секретарь Ассоциации международного права и арбитража (Ассоциация BILA, Беларусь) Андрей Козик.

В мероприятии приняли участие известные ученые, представители органов государственной власти и дипломатического сообщества, представители исследовательских институтов и неправительственных организаций из России, других государств-участников СНГ и зарубежные эксперты.

Виктория Зотикова, МККК в России, Беларуси и Молдове

КОНТРТЕРРОРИЗМ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Серия дискуссионных сессий по теме: «Контртерроризм: правовые проблемы и региональные подходы» была организована Региональной делегацией Международного Комитета Красного Креста (МККК) в России, Беларуси и Молдове и АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований» (ЦМСПИ).

Первая половина дискуссии прошла на площадке библиотеки ЦМСПИ. С приветственным словом к участникам обратились заместитель главы Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста (МККК) в России, Беларуси и Молдове Готье Лефевр и генеральный директор Центра международных и сравнительно-правовых исследований Екатерина Сороковая.

Модератором первой сессии – «Правовой режим контртеррористических операций» – выступил вице-президент Российской ассоциации международного права, судья (в отставке) Апелляционной палаты Международных трибуналов ООН по Руанде и по бывшей Югославии Бахтияр Тузмухамедов.

Собравшиеся заслушали доклады по темам: «Применение международного права к контртеррористическим операциям: ограничения, устанавливаемые международным гуманитарным правом (МГП) и правом прав человека» (Кеннет Уоткин, бригадный генерал (в отставке), бывший начальник юридической службы вооруженных сил Канады, королевский адвокат (QC)); «Квалификация экстратерриториальных операций против террористических групп» (Андреа Бьянки, профессор, заведующий кафедрой международного права, директор магистерских программ, Женевский институт международных отношений и развития); «Обеспечение соблюдения МГП во время и после окончания вооруженных конфликтов с террористическими группами: от судов организованных вооруженных групп до международных судебных учреждений» (Узейир Маммадов, кандидат юридических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет); «Практические проблемы подготовки и проведения мероприятий по противодействию терроризму» (Владимир Булатов, президент Межрегиональной общественной организации ветеранов подразделений специального назначения «Авангард», генерал-майор запаса).

Следующую сессию – «Региональные подходы к борьбе с терроризмом» – открыла руководитель Центра ситуационного анализа Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Прима-

кова Российской академии наук Ирина Кобринская.

Экспертные доклады были посвящены опыту борьбы с терроризмом в Африке, Европе, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в странах Организации Договора о коллективной безопасности.

С сообщениями выступили: региональный координатор по Южной Африке Института по изучению проблем безопасности Мартин А. Эви, советник по противодействию терроризму, генеральный директор Современной консалтинговой группы по вопросам безопасности MOSECON GmbH Ян Сант-Пьер, профессор международного права Университета Буэнос-Айреса Эмилиано Буис, заместитель заведующего научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации «Высшей школы экономики», кандидат политических наук Леонид Исаев, начальник Управления противодействия вызовам и угрозам Секретариата Организации Договора о коллективной безопасности Петр Короневский.

Вторая половина дискуссии прошла на площадке московского центра «Гуманитариум» Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста.

Вечернюю сессию – «Террористы как акторы современных вооруженных конфликтов: статус, правовая защита и ответственность» – вела профессор факультета права «Высшей школы экономики», доктор юридических наук Вера Русинова.

Участники дискуссии заслушали доклады: «Определение непосредственного участия в военных действиях: спор окончен?» (Роберт Криер, профессор международного и уголовного права, Бирмингемский университет); «Гарантии справедливого суда для лиц, обвиняемых в совершении террористических актов: от определения статуса до уголовного преследования» (Сергей Голубок, кандидат юридических наук, адвокат, партнер Double Bridge Law, член Совета адвокатской палаты Санкт-Петербурга); «Этические и юридические вопросы, связанные с применением пыток (или усиленных методов допроса) по отношению к лицам, обвиняемым в совершении террористических актов» (Юваль Гинбар, юридический советник Amnesty International); «Содержание под стражей: минимальные гарантии и мандат МККК» (Марк Маурер, координатор отдела по предоставлению защиты Региональной делегации МККК в России, Беларуси и Молдове).

Каждая из сессий сопровождалась дискуссией по рассматриваемым проблемам. Вопросы задавали как присутствующие в зале известные ученые, представители органов государственной власти и дипломатического сообщества, зарубежные эксперты, так и пользователи сети Интернет, которые также имели возможность следить за мероприятием онлайн.

Валерия Козлова

Фото автора

НА XII СЪЕЗДЕ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ

В конце 2017 г. состоялся XII Съезд Союза журналистов России. На нем большинством голосов был избран новый председатель – тележурналист, политический обозреватель, телеведущий, телепродюсер Владимир Соловьев.

В работе съезда приняли участие члены редколлегии научного журнала «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ», члены Союза журналистов России – проректор, директор Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета Татьяна Владимирова и заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента, рекламы и связей с общественностью ИЖКМ Андрей Козлов.

На фото: участники съезда – Борис Костенко, заместитель генерального директора телеканала «Спас»; Николай Кузнецов, генеральный директор журнала «Мужская работа»; Андрей Козлов, главный редактор журнала «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ».

Марина Руденкова.

Фото Елены Маркиной и пресс-службы СЖР.

Анна Витальевна Громова, председатель наблюдательного совета Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», кандидат исторических наук.

E-mail: info@espo-fond.ru

РОССИЙСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ ОТ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

В 1864 г. представители 12 европейских правительств подписали Женевскую конвенцию – международное соглашение об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Впервые в истории было провозглашено обязательным оказание помощи раненым независимо от того, к какой воюющей стороне они относятся, неприкосновенность госпиталей, лазаретов и санитарного персонала. Была принята эмблема Красного Креста – красный крест на белом фоне: герб Женевы как центра единения стран-участниц.

Заслуги основателя Красного Креста Анри Дюнана были признаны в 1901 г. – ему была присуждена первая Нобелевская премия мира. Однако сам он с благодарностью признавал, что «существованию Красного Креста мы обязаны благородному примеру России в деле оказания помощи раненым воинам во время Крымской войны». Профессор Н.А. Вельяминов подтверждал, что «мысль о посещении полей брани и об организации международной, частной добровольной помощи пострадавшим на войне, без различия их звания и национальности, явилась у Дюнана отчасти под влиянием поразившей его деятельности во время Крымской войны [...] Пирогова и руководимых им сестер милосердия Крестовоздвиженской общины».

Начало традиции было положено задолго до этих событий. Женский уход за больными в российских государственных лечебных учреждениях был официально разрешен Петром I, который в 1722 г. издал «Указ о назначении монахинь в госпитали».

В XIX в. сестринское дело в России развивалось в двух направлениях: первое – специализированная подготовка акушерок, фельдшериц и фельдшеров; второе – преимущественно благотворительное движение «сердобольных вдов» и, позднее, сестер милосердия. Благотворительная служба «сердобольных вдов» была организована в 1814 г. сначала в Санкт-Петербурге, а через четыре года и в Москве. Эти женщины, чьи мужья пали на полях сражений, по большей части проживали во «вдовьих домах» и осуществляли надзор за порядком в больничных палатах, сопровождали врачей во время обхода, учились у них оказывать первую медицинскую помощь.

Первая в России православная община сестер милосердия была основана по линии частной благотворительности в марте 1844 г. в Санкт-Петербурге, с 1873 г. она стала называться Свято-Троицкой. Деятельность ее продолжалась до 1917 г. В 1848 г. при Полицейской больнице для бедных и беспризорных, созданной благодаря стараниям доктора Ф.П. Гааза, была организована первая в Москве Никольская община. Сестры снискали известность благодаря самоотверженной помощи холерным больным во время очередной эпидемии.

Большую поддержку новому делу оказала Великая княгиня Елена Павловна, основавшая в 1854 г. Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия в Санкт-Петербурге. Несмотря на очевидную пользу, ее начинание столкнулось с резким осуждением в свете: бытовало мнение, что порядочные женщины не должны находиться в окружении чужих мужчин и помогать раненым и больным. Сопротивление удалось преодолеть, прежде всего, благодаря активной позиции выдающегося русского хирурга Николая Ивановича Пирогова. По мнению С.П. Боткина, «Пирогов был зна-

чительно выше того времени, в котором ему приходилось действовать. Опередив свой век в науке, он опередил его и в общественной деятельности».

В ноябре 1854 г. вместе с «сердобольными вдовами» из Москвы и Санкт-Петербурга в Крым отправились десять сестер милосердия Никольской общины. Императрица Александра Федоровна вручила им отличительные знаки – нагрудные кресты на зеленой ленте. К тому времени сомнений уже не оставалось: раненым солдатам такой уход необходим. Именно опыт русских сестер милосердия и английских медицинских сестер в Крымской войне инициировал одно из самых масштабных явлений в области медицины – движение Красного Креста.

Русский Красный Крест был образован в 1867 г. как Российское общество попечения о раненых и больных воинах, а с 1879 г. – Российское общество Красного Креста (РОКК). Общество занялось подготовкой санитарного персонала для нужд военного времени, организацией госпиталей на фронте, сбором пожертвований и оказанием материальной помощи раненым и больным. В его деятельности участвовали многие выдающиеся медики XIX в.: Н.И. Пирогов, Н.В. Склифосовский, С.П. Боткин. Перед Русско-турецкой войной в России уже существовало около двух десятков общин сестер милосердия. Российское общество Красного Креста внесло огромный вклад в деятельность международной организации и гуманизацию конвенций о защите жертв войны. На Брюссельской международной конференции в 1877 г. русская делегация представила проект международной конвенции, предусматривавшей запрещение применения оружия, снарядов и веществ, причиняющих физические страдания. России же принадлежит заслуга распространения Женевской конвенции 1864 г. на ведение войны на море. В 1899 г. по инициативе России в Гааге была созвана первая Конференция Мира.

Первая община Красного Креста была учреждена в 1868 г. в Москве. Через два года в Санкт-Петербурге Главным управлением РОКК при участии принцессы Евгении Максимилиановны и Сергея Петровича Боткина организуется Георгиевская община. Впоследствии ее возглавил сын выдающегося врача-клинициста С.П. Бот-

кина – Евгений Сергеевич. Он достойно продолжил дело отца не только в качестве талантливого доктора и придворного лейб-медика, но и как попечитель и наставник общин сестер милосердия. До конца верный врачебному долгу, он не смог оставить своих подопечных и был расстрелян вместе с семьей последнего российского Императора Николая II в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге.

В 1875 г. было издано положение о сестрах Красного Креста, назначаемых для ухода за больными и ранеными во время войны. Помимо основной деятельности, РОКК оказывало помощь населению во время массовых бедствий, содействие армиям и населению других стран. В Русско-турецкую войну (1877-1878 гг.) были подготовлены более трех тысяч сестер милосердия, которые наравне с военными докторами спасали жизни воинов. На фронт были направлены 1288 сестер, 55 из них погибли.

Главное военно-медицинское управление сочло необходимым организовать подготовку сестер милосердия для создания резерва, так как, по примерным подсчетам, для мобилизации в случае войны их могло потребоваться около трех тысяч. В 1893 г. прогноз увеличился уже вдвое, тогда как РОКК мог предоставить в распоряжение военного ведомства лишь 1300 сестер. Нужно было создавать новые общины.

В 1879 г. в ведении РОКК, кроме вышеназванных, существовали: община сестер княгини Барятинской, Александровский отдел сестер Красного Креста в Санкт-Петербурге, общины в Гельсингфорсе, Тамбове, Вильне, Варшаве, Киеве – всего около тридцати. К 1900 г. их число увеличилось до 84. Географически они раскинулись от Архангельска на севере до Тифлиса на юге, от Варшавы на западе до Хабаровска на востоке.

Значительный вклад в становление благотворительных организаций в этот период внесли русские Императрицы Мария Александровна (супруга Александра II) и Александра Федоровна (супруга Николая II). Огромная роль в развитии Красного Креста принадлежала Великой княгине Елизавете Федоровне – старшей сестре последней русской Императрицы и супруге московского генерал-губернатора Великого князя Сергия Александровича.

Удивительно: все эти женщины, оказавшие столь значительное влияние на общественную жизнь России второй половины XIX в. – начала XX в., принадлежали к Гессен-Дармштадской династии, родоначальницей которой была католическая святая XIII в. Елисавета Тюрингенская. На протяжении столетий ее жизненный подвиг, жертвенное служение являлись для семьи образцом и примером для подражания.

Приняв православие, супруга Императора Александра II Мария Александровна покровительствовала русскому присутствию в Святой земле, развитию отечественной науки и искусства. Как попечитель многих православных обществ, особое внимание она уделяла учреждению общин сестер милосердия, соединению подвига иночества и благотворительности. В некрологе по поводу ее безвременной кончины газета «Неделя»

[1880, № 21] отмечала: «Самое важное – самое незабвенное наследство, оставленное усопшей русскому Государству и народу, есть «Красный Крест» [...] Этим учреждением имя покойной Императрицы будет переходить из рода в род». Спустя несколько лет ее сын – Великий князь Сергий сочетается браком с гессенской принцессой Эллой, внучкой королевы Виктории, будущей преподобномученицей Елисаветой, прославленной в лике святых Русской Православной Церковью.

Перед Русско-японской войной, в 1896 г., в Москве под эгидой местного отделения Общества Красного Креста, председателем которого был Великий князь Сергий Александрович, и по инициативе московского Дамского комитета возникает Иверская община сестер. С момента образования община находилась под высоким покровительством Великой княгини Елизаветы Федоровны и ее супруга Великого князя Сергия Александровича. На всем протяжении своего существования Иверская община сохраняла тесные отношения с Елизаветой Федоровной, которая постоянно ее поддерживала. В 1916 г. это особо подчеркнул в приветственном слове Великой княгине духовник общины протоиерей Сергий Махаев.

В 1897 г. в общине была открыта хирургическая клиника с операционной и шестью палатами на 16 коек. Стационарное лечение было платным. К началу XX в. здесь уже трудились 47 сестер и 24 испытуемых – к этому времени помощь была оказана более чем 40 тысячам больных, половина которых была прооперирована.

Все общины сестер милосердия в начале XX в. находились в ведении Общества Красного Креста под покровительством овдовевшей Императрицы Марии Федоровны, супруги Александра III и матери Николая II. Их деятельность регламентировалась Общим уставом общин Красного Креста, утвержденным в 1903 г. Большую работу Мария Федоровна провела как глава «Ведомства учреждений Императрицы Марии» и Российского общества Красного Креста, которыми она руководила на-

чиная с первых лет своего пребывания в России. По ее инициативе в нескольких городах России (Санкт-Петербурге, Владивостоке, Хабаровске и Астрахани) была организована сеть складов для бесперебойного снабжения подразделений РОКК всем необходимым в случае войны или общественных бедствий.

С объявлением Русско-японской войны Великая княгиня сразу же взялась за создание учреждения, которое могло бы максимально эффективно организовать помощь фронту. 4 февраля 1904 г. вышел высочайший рескрипт на имя Великой княгини Елизаветы Федоровны от Императрицы Марии Федоровны, где говорилось: «...дабы объединить широкую благотворительную деятельность Москвы по притоку денежных и материальных пожертвований с дальнейшим направлением таковых лишь по указаниям Исполнительной комиссии Главного управления Красного Креста, Я признала за благо просить Ваше Императорское Высочество стать во главе организации по сбору в Москве пожертвований на нужды Красного Креста». Елизавета Федоровна незамедлительно ответила согласием.

Особый комитет Ее Императорского Высочества для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке, был основан 12 февраля 1904 г. Поскольку почетным председателем Московского местного управления РОКК и после смерти считался Великий князь Сергий Александрович, Елизавета Федоровна приняла звание товарища Его Императорского Высочества. Для оказания медицинской помощи и эвакуации раненых с Дальнего Востока была создана Исполнительная комиссия.

Согласно утвержденному еще в 1890 г. «Положению об эвакуации больных и раненых», средства на перемещение больных и раненых с места боевых действий, их размещение и призрение выдавала казна. Общество Красного Креста отказалось от их бесплатного размещения, и эту заботу взяла на себя Великая княгиня. Она предложила организовать эвакуацию больных и раненых, а также их размещение и содержание: снабжение бельем, одеждой, обувью и медицинскими средствами, призрение и контроль за выздоровлением. Военное ведомство охотно согласилось передать все дело Комитету Ее Высочества.

Еще одной замечательной идеей Великой княгини Елизаветы Федоровны было устройство мастерских для помощи солдатам. Под них были заняты все залы Кремлевского дворца, кроме Тронного. Склад, открывшийся в Кремле молебном 30 января 1904 г., стал принимать денежные и вещевые пожертвования, отправлять госпитальные грузы. Началось шитье белья и теплых вещей, тысячи женщин трудились за швейными машинами и рабочими столами. Раздавалась и работа на дом.

На свои средства Елизавета Федоровна сформировала несколько санитарных поездов и отправила на фронт походные церкви. В Москве она устроила госпиталь для раненых, который сама постоянно посещала, создала специальные комитеты по обеспечению вдов и сирот погибших на фронте солдат и офицеров.

Самым крупным делом по денежным и организационным затратам было снаряжение летучих санитарных отрядов. В создании их участвовали Красный Крест Императрицы Марии Федоровны, благотворительные учреждения Императрицы Александры Федоровны и Особый комитет Великой княгини Елизаветы Федоровны. Обе столицы сформировали по десять летучих отрядов.

По поручению РОКК Особый комитет снарядил две баржи плавучего лазарета на 400 человек для эвакуации больных и раненых по рекам Сунгари и Амуру, начиная от Харбина. В сентябре 1904 г. Елизавета Федоровна учредила «Елизаветинскую санаторию» для выздоравливающих воинов.

Седьмого февраля 1906 г. Великая княгиня Елизавета Федоровна основала в Москве «Трудовое убежище увечных Русско-японской войны», рассчитанное на 50 человек. Расположилось оно около Тверской заставы в частном доме. Первоначально оно служило лазаретом, затем здесь стали обучать относительно работоспособных.

Мастерские во главе с опытными мастерами-руководителями были оборудованы для обучения сапожному, портновскому и переплетному делу. Вырученные от продаж деньги шли на приобретение материалов и зарплаты.

Позже Комитет приобрел для убежища здание во Всехсвятской роще, после чего его переименовали в «Сергиевско-Елизаветинское трудовое убежище увечных Русско-японской войны». При нем была устроена церковь во имя св. преподобного Сергия Радонежского Чудотворца и св. праведной Елисаветы.

Совместными усилиями учреждений РОКК в период Русско-японской войны (1904-1905 гг.) помощь получили около 600 тысяч человек. Для предотвращения инфекционных заболеваний и эпидемий впервые было создано 2 бактериологических и 8 дезинфекционных отрядов, 22 санитарных поезда совершили 179 рейсов и перевезли более 87 тысяч раненых и больных.

После окончания Русско-японской войны Елизавета Федоровна решила продолжить деятельность. Новый Комитет, по ее мысли, должен был оказывать разностороннюю помощь всем жертвам минувшей войны. Он был учрежден 20 сентября 1905 г., и Великая княгиня стала его почетным попечителем. Комитет делился на несколько комиссий. Первым его делом было устройство приюта для увечных, где проходило обучение ремеслу. Другой задачей было расширение приюта и создание новых, в том числе с мастерскими. Комитет занимался также «приисканием собственных занятий для пострадавших на войне офицеров и нижних чинов», содействовал офицерам и нижним чинам в получении пенсий и пособий и, наконец, помогал вдовам и сиротам с помещением в богадельни и приюты, с ходатайствами на пособия.

Все общины сестер милосердия входили в Общество Красного Креста, которое основывалось, в первую очередь, на светских началах. Уход за больными становится особой профессией. Религиозная основа, служившая поначалу стержнем, уходила на второй план. В этих условиях совершенно особым явлением стала Марфо-Мариинская обитель. Этот плод эпохи христианского милосердия созрел в период, когда само оно клонилось к упадку. Елизавете Федоровне задачи новой обители представлялись более широкими, нежели традиционный уход за больными: «если Организация Красного Креста есть организация всемирная, то понятно, что благотворительность через Общины сестер милосердия нисколько не обязывается быть выражением духа Православной Церкви. В связи с этим понятно, что в этих организациях вся сила полагается в практических занятиях по уходу за больными и прочих видах благотворения, мало сознавая истину учения Христа Спасителя о недугах греховных как причинах недугов телесных и всякого страдания и зла. По этой же причине забыт и путь истинных врачей в подвигах святых целителей и истинных сестер милосердия, явленный в диаконисском служении».

Из этих строк отчета за 1910 г. ясно, что Елизавета Федоровна видела деятельность сестер обители как восстановление церковного служения женщин-диаконисс в Православной Церкви. Таким образом, миссия обители явно выходила за рамки, установленные Красным Крестом.

С началом Первой мировой войны огромный труд по организации помощи раненым оказался бесценным. Военно-медицинская служба русской армии не справлялась с огромным потоком раненых. Не хватало кадров, имущества, лечебных учреждений. И Российское общество Красного Креста фактически организовало параллельное медицинское обслуживание раненых и больных на фронте и в тылу. Как и в годы Русско-японской войны, началась массовая подготовка сестер милосердия на краткосрочных двухмесячных курсах. Если к 1912 г. в общинах были 3442 сестры милосердия, то в 1914 г. под эгидой Красного Креста уже активно действовало 150 школ, в которых были подготовлены 10 тысяч сестер милосердия. За годы войны они спасли сотни тысяч жизней, а многие сами стали ее жертвами.

1. Августейшие сестры милосердия. М., 2008.

2. Волошун А. Блаженны милостивые. Благотворительная деятельность святой Великой княгини Елизаветы Федоровны. М, 2010.

3. Козловцева Е.Н. Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века. М., 2010.

4. Кучмаева И.К. Когда жизнь истинствует... Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны. М., 2008.

5. Ольденбург С. Царствование Николая II. М., 2003.

6. Отчет состоявшей при Особом комитете Ее Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны исполнительной комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов, эвакуированных с Дальнего Востока в Русско-японскую войну. 14 июня 1904 г. 1 апреля 1906 г. М., 1907.

7. Письма преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны. М., 2011.

8. Подвижники Марфо-Мариинской обители милосердия. М., 2007.

9. Российский Красный Крест – листая страницы истории. М., 2012.

10. Российское общество Красного Креста. Исторический обзор деятельности. СПб., 1902.

11. Священномученик Сергий Махаев. Подвижницы милосердия: о подвиге русских сестер милосердия. М., 2007.

Анна Громова

Брюно Демейер, Линдсей Камерон, Эва Ла-Э, Хейке Нибергалл-Лакнер и Жан-Мари Хенкертс — юридические советники, входящие в исполнительную группу МККК по обновлению Комментария при Правовом управлении МККК.

ОБНОВЛЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ЖЕНЕВСКОЙ КОНВЕНЦИИ I — НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Современное истолкование гуманитарного права

В 2011 г. Международный Комитет Красного Креста (МККК) вместе с группой видных внешних экспертов приступил к осуществлению крупного проекта: обновлению Комментариев к Женевским конвенциям 1949 г. и Дополнительным протоколам к ним 1977 г.[1] После того как в 1950-х и 1980-х гг. были составлены первоначальные версии Комментариев, Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним не раз проходили проверку реальностью, и в практике их применения и истолкования произошли значительные перемены. Обновление всех шести Комментариев, осуществляемое МККК, предназначено отразить эти перемены в Комментариях и предоставить соответствующие требованиям времени и всеобъемлющие интерпретации права. Этот проект выполняется в соответствии с ролью МККК «разъяснять положения международного гуманитарного права [МГП], применяемого в период вооруженных конфликтов, и распространять знания о нем, а также подготавливать его развитие» и содействовать его неукоснительному соблюдению[2].

С завершением обновленной версии Комментария к Женевской конвенции I об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (далее – ЖК I) был пройден первый важный рубеж. Комментарий доступен бесплатно на сайте МККК[3].

В ЖК I подробно излагается лежащее в основе МГП обязательство, которое впервые начали активно претворять в жизнь основатели МККК, — обязательство уважать и защищать раненых и больных членов личного состава вооруженных сил при всех обстоятельствах, гуманно обращаться с ними и предоставлять им помощь и уход, вне зависимости от того, принадлежат ли они к вооруженным силам своей стороны или противника. Как таковая ЖК I больше, чем любой другой договор МГП, является воплощением идеи Анри Дюнана о том, что военнослужащий, если он ранен или болен и, соответственно, выбыл из строя, становится с этого момента неприкосновенным[4]. Абсолютно необходимым условием для того, чтобы можно было подбирать раненых и больных и оказывать им помощь, является предоставление защиты военному медицинскому персоналу, формированиям, материалам

[1] См.: Jean-Marie Henckaerts, “Bringing the Commentaries on the Geneva Conventions and their Additional Protocols into the twenty-first century”, International Review of the Red Cross, Vol. 94, No. 888, Winter 2012, pp. 1551–1555.

[2] См.: Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца 1986 г., ст. 5(2)(g) и (4), доступен по адресу: https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/statutes-movement-220506.htm.

[3] См.: https://ihl-databases.icrc.org/ihl/full/GCI-commentary (на английском языке). Существует также бумажная версия издания: ICRC, Commentary on the First Geneva Convention, 2nd ed., Cambridge University Press, 2016. В настоящее время готовится к печати перевод Комментария на арабский, испанский, китайский, русский и французский языки.

[4] Об обстоятельствах, которые привели к основанию МККК и Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, начиная с битвы при Сольферино, и кульминацией которых стало принятие первой Женевской конвенции в 1864 г., см.: Fran ois Bugnion, “Birth of an idea: the founding of the International Committee of the Red Cross and of the International Red Cross and Red Crescent Movement”, International Review of the Red Cross, Vol. 94, No. 888, 2012, pp.1299–1338, доступно по адресу: https://www.icrc.org/eng/resources/documents/article/review-2012/irrc-888-bugnion.htm.

и транспорту. Кроме того, ЖК I содержит положения о защите эмблемы, которые подтверждают защитную функцию эмблемы и разъясняют ограничения на ее использование.

Однако это является знаковым событием еще и потому, что в последней версии Комментария к ЖК I обновлены и комментарии к статьям, общим для всех четырех Женевских конвенций. Среди них статьи, которые наиболее важны для применения четырех Конвенций и для предоставления защиты в соответствии с ними, такие как общая статья 1, предусматривающая обязательство соблюдать и заставлять соблюдать Конвенции при любых обстоятельствах, и общая статья 2, определяющая сферу их применения. В этой группе общих статей особо выделяется общая статья 3, поскольку это единственное положение Женевских конвенций 1949 г., ратифицированных всеми государствами мира, которое было специально выработано для регламентации немеждународных вооруженных конфликтов[1]. Ни составители Женевских конвенций 1949 г., ни составители первоначального Комментария 1952 г. не могли предвидеть, насколько многочисленными станут немеждународные вооруженные конфликты в течение десятилетий, последовавших за принятием Конвенции. Новый Комментарий принимает этот факт во внимание и подробно, как никогда ранее, анализирует правовой режим, содержащийся в общей статье 3.

В настоящей статье приводится краткий обзор процесса переработки Комментария к ЖК I и кратко описываются наиболее важные изменения в толковании договорных норм, происшедшие после 1949 г., которые были выявлены в практике государств, международной судебной практике и литературе. Примеры, приведенные в этом кратком обзоре, не исчерпывают тему полностью, однако они наглядно показывают, что международное гуманитарное право сохраняет свою актуальность в современных вооруженных конфликтах. Приведенные в статье ссылки на пере-

[1] Для сравнения: Дополнительный протокол II ратифицирован не всеми государствами, и сфера его применения более ограничена, при этом он не изменяет существующих условий применимости ст. 3. Сведения о современном состоянии Конвенций и Протоколов см. по адресу:

www.icrc.org/eng/resources/documents/misc/party_main_treaties.htm (на английском языке).

смотренный Комментарий направляют читателя к более подробному обсуждению перечисленных вопросов.

Коротко об обновлении Комментария

Комментарий 2016 г. КЖК I — так же, как пересмотренные комментарии к ЖК II, ЖК III и ЖК IV и к Дополнительным протоколам к ним, работа над которыми ведется в настоящее время, — призван способствовать разъяснению МГП, предоставив читателю современные и тщательно выверенные истолкования этой отрасли права.

В обновленном Комментарии сохранен формат Комментария 1952 г. (также известного как «Комментарий Пикте»), то есть постатейный комментарий к каждому положению Конвенции. Он основан на исследовании, включающем в себя анализ практики государств по применению и истолкованию договоров – это, например, военные уставы, внутригосударственное законодательство или официальные заявления, истолкования и разъяснения, встречающиеся в судебной практике и научных трудах. Кроме того, авторы Комментария имели возможность заниматься исследовательской работой в архиве МККК и отобразить применение и истолкование Конвенции со времени ее принятия в свете практики, свидетелем которой стал МККК в вооруженных конфликтах прошлого.

В пересмотренном Комментарии практики и ученые найдут подробные сведения, важные для всестороннего понимания каждого положения ЖК I. Пересмотренный Комментарий дает картину современных интерпретаций права. Он включает в себя не только истолкования, которые поддерживает МККК, но и указания на те случаи, когда имеются разногласия или когда есть вопросы, которые не урегулированы и требуют дальнейшего обсуждения. Как таковой он представляет собой не последнее слово, а прочное основание для дальнейшей дискуссии об имплементации, разъяснении и развитии МГП. Важно, что он служит новым инструментом, которым могут руководствоваться государства, международные организации, суды и гуманитарные акторы в своих усилиях, направленных на то, чтобы вновь подтвердить значение МГП и обеспечить его соблюдение.

В процессе составления обновленного Комментария активно участвовали эксперты, не принадлежащие к МККК, благодаря чему удалось продвинуться гораздо дальше, чем при работе над первоначальным «Комментарием Пикте». Составители одного комментария к той или иной конкретной статье имели возможность прочитать и прокомментировать обновленные комментарии ко всем остальным статьям Конвенции. Это создавало возможность дополнительного критического рассмотрения и способствовало взаимной согласованности истолкований всего текста Комментария. Кроме того, Комментарий был целиком рассмотрен Редакционным комитетом, в который входили юристы, как работающие в МККК, так и не принадлежащие к нему[1].

Кроме того, к более чем 60 практикам и ученым со всего мира обратились с просьбой провести экспертную оценку проекта Комментария, и они сделали ценные замечания и внесли свой вклад в создание окончательного варианта этого документа. Такой тщательно продуманный процесс способствовал тому, что все основные мнения были приняты во внимание[2]. В результате, пересмотренный Комментарий отражает правовые интерпретации МККК – в тех случаях, когда они существуют, и излагает основные точки зрения – в тех случаях, когда истолкование

[1] В Редакционный комитет входят два члена, которые сотрудниками МККК не являются, — Лисбет Лейнзад и Марко Сассоли, и два сотрудника МККК — Филипп Шпёрри и Кнут Дёрман. Информацию об авторах/членах Подготовительного комитета, а также об участвовавших в работе экспертах можно найти в разделе Комментария, озаглавленном «Благодарности» (Acknowledgements) см.: https://ihl-databases.icrc.org/ihl/full/GCI-commentaryAckAbb (на английском языке).

[2] См., например, комментарий к ст. 12, раздел E.1 (см. выше, прим. 3).

какого-либо конкретного положения вызывает разногласия. Учитывая, что по своему характеру Комментарий представляет собой руководство по интерпретации и практическому применению, следует, однако, заметить, что в рамках процесса его составления не проводились официальные консультации с государствами.

При подготовке пересмотренного Комментария авторы следовали нормам Венской конвенции о праве договоров, касающимся толкования договоров, в частности содержащимся в статьях 31-32 означенной Конвенции. Они принимали во внимание обычное значение терминов положений и контекст, а также подготовительную работу и последующую практику в форме практики государств (или иногда — ее отсутствие) и прецедентное право, равно как и другие важные нормы международного права[1].

Другие важные нормы международного права включают в себя положения обычного гуманитарного права и трех Дополнительных протоколов, а также иных относящихся к делу договоров в области международного права, в том числе международного уголовного права и права прав человека[2]. Когда принимались Женевские конвенции, многие отрасли международного права, такие как право прав человека, международное уголовное право и право беженцев, находились еще в зачаточном состоянии, но с тех пор они получили большое развитие. Все эти отрасли права стремятся предоставить защиту тем, кто в ней нуждается. МГП не является замкнутой в себе отраслью права, оно взаимодействует с этими другими отраслями международного права таким образом, что они часто дополняют друг друга. Поэтому толкования, предлагаемые в новом Комментарии, принимают во внимание эволюцию указанных отраслей права всякий раз, когда это необходимо для всеобъемлющего истолкования какой-либо нормы Конвенции. Кроме того, развивались и другие отрасли права, такие как право ответственности государств или договорное право, что также отражено в новом Комментарии[3].

В том, что касается международного права прав человека, новый Комментарий не преследует цели обсудить каждый аспект сложного соотношения между нормами Женевской конвенции и правом прав человека. Скорее, исходя из постулата о взаимодополняющем характере этих двух отраслей права, новый Комментарий ссылается на право прав человека всегда, когда это целесообразно, например, для толкования общих понятий (например, жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения)[4].

Ссылки на право прав человека могут также даваться в тех случаях, когда на применение Конвенций влияют международные обязательства в области прав человека. В качестве примера можно привести применение смертной казни. Хотя общая статья 3, равно как и статьи 100 и 101 ЖК III и статья 68 ЖК IV, предусматривают возможность применения смертной казни, обновленные комментарии к этим статьям были бы неполными без ссылок на международные договоры, направленные на отмену смертной казни[5]. Эти ссылки не столько служат для тол-

[1] Более подробно о методологии см.: Комментарий, Вступительная статья (General Introduction of the Commentary) по адресу: https://ihl-databases.icrc.org/ihl/full/GCI-commentaryIntroduction (на английском языке).

[2] Следует отметить, что при использовании для толкования иных упоминаемых в Комментариях договоров, помимо самих Конвенций, мы исходим из того, что они применимы лишь тогда, когда выполняются все условия, касающиеся географической, временной и личной сферы их применения. Кроме того, они применяются только к государствам, которые ратифицировали их или присоединились к ним, за исключением тех случаев, когда они отражают обычное международное право.

[3] См. выше, прим. 3: примеры, относящиеся к ответственности государств, см., в частности, в комментарии к общей ст. 1, пп. 144, 160 и 190, и к общей ст. 2, пп. 267–270; пример, относящийся к праву договоров и, в частности, к праву правопреемства в отношении договоров, см. в ст. 60, раздел С.4.

[4] См. выше, прим. 3: комментарий к общей ст. 3, пп. 615–623.

[5] Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (вступила в силу 3 сентября 1953 г.), Протокол 6; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (вступил в силу 23 марта 1976 г.), Второй Факультативный протокол; Американская

кования конвенционных обязательств посредством права прав человека, сколько указывают на параллельные обязательства, чтобы обеспечить полный обзор соответствующих международно-правовых норм.

В том, что касается международного уголовного права, постоянно расширяющаяся судебная практика различных международных уголовных судов и трибуналов, а также национальных судов дает материал, иллюстрирующий то, как применяются и толкуются идентичные или сходные понятия и обязательства по МГП в целях оценки индивидуальной уголовной ответственности. В той степени, в какой это важно для толкования Конвенций, этот вопрос был рассмотрен.

Еще один пример — Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., которая стала отправной точкой для толкования понятия «взятие заложников». Она также подкрепляется последующей практикой, например тем, что взятие заложников включено в перечень военных преступлений в Статуте МУС 1998 г., определением в Элементах преступлений МУС 2002 г. и судебными прецедентами[1].

Вместе с тем важно подчеркнуть, что обязательство по гуманитарному договору может быть шире, чем упомянутые в нем преступления в норме, содержащейся в договоре по международному уголовному праву. Обязательства по МГП существуют независимо от нормы международного уголовного права, на которой базируется судебная практика. Поэтому содержание такого обязательства может не быть идентичным в двух этих отраслях права. В случае существования различий они указаны в тексте. Так, например, МГП запрещает проведение биологических экспериментов, даже если они не влекут за собой смерть жертвы и не представляют собой серьезной угрозы для ее здоровья. Однако чтобы такой эксперимент мог быть признан серьезным нарушением согласно статье 50, он должен серьезно угрожать здоровью или физической неприкосновенности покровительствуемого лица. В целом сфера применения уголовной ответственности за проведение биологических экспериментов более ограничена, чем сфера применения запрета на проведение таких экспериментов, установленная МГП[2].

Примеры изменений в толкованиях после 1949 г.

«Комментарий Пикте» основывался, в первую очередь, на истории разработки соответствующих договоров, которая разворачивалась непосредственно на глазах самих авторов, и на предшествовавшей практике, особенно практике Второй мировой войны. В нем можно почерпнуть важные сведения о МККК и историческую информацию, и в этом отношении он сохраняет свою ценность.

По прошествии более шести десятилетий обновленный Комментарий к ЖК I может предложить более подробный анализ, включающий в себя рассмотрение проблематики современных вооруженных конфликтов, достижений технического прогресса и развития международного и внутригосударственного права. Анализ, осуществленный в ходе подготовки обновленного Комментария, подтверждает многие толкования 1952 г., но отходит от них в некоторых случаях.

Этот анализ показал, что обстоятельства применения отдельных положений ЖК I, которым уделялось много внимания во время Дипломатической конференции, возникали редко. Соответственно, после Второй мировой войны эти положения не имели того значения, которое придавалось им в ходе Дипломатической конференции. В других случаях последующая практика и изменения в междуна-

конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 г. (вступила в силу 18 июля 1978 г.), Протокол об отмене смертной казни. См. комментарий к общей ст. 3, п. 677.

[1] Подробнее см. комментарий к общей ст. 3, раздел G.3 (выше, прим. 3).

[2] См. комментарий к ст. 50, п. 2994 (выше, прим. 3). Еще одним примером является запрет на посягательство на жизнь, см. там же, комментарий к общей ст. 3, п. 886.

родном праве потребовали значительного расширения некоторых положений — и по содержанию, и по объему. Далее приводятся примеры таких выводов.

Общие статьи

Обязательство соблюдать и заставлять соблюдать, содержащееся в общей статье 1

Одно из изменений в истолковании, содержащееся в новом Комментарии, относится к общей статье 1, которая требует от государств «соблюдать и заставлять соблюдать» Конвенции. Если «Комментарий Пикте» 1952 г. утверждал, что общая статья 1 не применима в немеждународных конфликтах, то в пересмотренном Комментарии, на основании изменений, происшедших за последние шесть десятилетий, делается вывод о ее применимости в указанных конфликтах[1]. Данное толкование соответствует сути статьи 3, которую Международный суд ООН охарактеризовал как содержащую «минимальные стандарты», применимые в случае вооруженного конфликта[2].

На толкование общей статьи 1 сегодня влияет практика государств, международных организаций и судов, признавших обязанность соблюдать и обеспечивать соблюдение – как во внутреннем, так и во внешнем аспекте. Под внутренним аспектом понимается обязанность государств соблюдать и обеспечивать соблюдение Конвенций их собственными вооруженными силами и другими лицами или группами, поведение которых может быть приписано им, а также всем населением, над которым они осуществляют власть[3]. Внешний аспект относится к обеспечению соблюдения другими, в особенности другими сторонами в конфликте, независимо от того, является ли само государство стороной в этом конфликте. Этот внешний аспект в последнее время становится всё более важным[4].

Основываясь на практике, новый Комментарий приводит дальнейшие подробности относительно негативных и позитивных обязательств, составляющих внешний аспект обязательства. В соответствии с негативными обязательствами государства должны воздерживаться от поощрения нарушений Конвенции, равно как и от оказания помощи или содействия в этом. Позитивные обязательства требуют от государств принимать активные меры к тому, чтобы прекратить нарушения Конвенций и вернуть допустившую нарушения сторону в конфликте на позицию соблюдения Конвенций, в частности используя свое влияние на эту сторону. Обязанность обеспечивать соблюдение необходимо исполнять с должным усердием. Это означает, что ее содержание зависит от конкретных обстоятельств, включая серьезность нарушения, разумно доступные для государства средства и степень его влияния на тех, кто несет ответственность за совершение нарушения. Новый Комментарий также содержит перечень примеров тех мер, которые могут принимать государства для обеспечения соблюдения МГП.

Классификация вооруженных конфликтов в общей статье 2

Обновленный Комментарий принимает во внимание различные виды вооруженных конфликтов, появившиеся с тех пор, как был издан « Комментарий Пикте». Так, например, обновленный Комментарий утверждает, что вооруженный конфликт может возникнуть, когда одно государство в одностороннем порядке применяет силу против другого государства, даже если последнее не предпринимает или не может предпринять никаких ответных действий с применением военных

[1] См.: комментарий к общей ст. 1, пп. 125-126 (выше, прим. 3), в сравнении с Jean Pictet (ed.), *Commentary on the Geneva Conventions of 12 August 1949, Vol 1: Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field, ICRC, Geneva, 1952, p. 26.*

[2] ICJ, *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua case, Merits, Judgment, 1986, para. 218.*

[3] См. комментарий к общей ст. 1, разделы E.1 и E.2 (выше, прим. 3).

[4] См. комментарий к общей ст. 1, раздел E.3 (выше, прим. 3).

средств. Само по себе применение каким-либо государством вооруженной силы против другого государства, позволяет квалифицировать данную ситуацию как вооруженный конфликт по смыслу Женевских конвенций[1].

Оценка военного участия иностранного государства в немеждународном вооруженном конфликте представляет собой пример того, как изменились толкования за прошедшие десятилетия, адаптируясь к сложности современных многосторонних конфликтов. Хотя МККК предложил Конференции правительственных экспертов 1971 г. считать, что военное участие иностранного государства в немеждународном вооруженном конфликте придает международный характер конфликту в целом, делая, таким образом, МГП, регулирующее международный вооруженный конфликт, применимым в отношениях между противоборствующими сторонами[2], был широко принят дифференцированный подход, которого сегодня придерживается и МККК. При таком подходе проводится различие между двумя типами ситуаций: когда иностранное государство ведет военные действия в рамках конфликта в поддержку государства и когда оно это делает в поддержку негосударственной стороны в конфликте. В первом случае вооруженный конфликт остается немеждународным, поскольку в нем продолжается противостояние негосударственной вооруженной группы и вооруженных сил государства. Во втором случае, несмотря на то, что первоначальный вооруженный конфликт между негосударственной вооруженной группой и государственными вооруженными силами по-прежнему сохраняет свой немеждународный характер, также возникает параллельный международный вооруженный конфликт между вмешивающимся иностранным государством и государством – участником первоначального конфликта, поскольку в этом случае друг другу противостоят два государства. Наконец, если несколько иностранных государств осуществляют вмешательство в поддержку каждой из сторон первоначального немеждународного вооруженного конфликта, международный или немеждународный характер каждого случая двусторонних конфликтных отношений зависит от того, состоят ли противоборствующие стороны только из государств или они включают в себя негосударственные вооруженные группы[3].

В пересмотренном Комментарии также рассматриваются такие вопросы, как квалификация конфликта в том случае, если какое-либо государство контролирует организованную негосударственную вооруженную группу, воюющую против другого государства. Вопрос о степени контроля, который должно осуществлять государство над вооруженной группой, не раз возникал в международных судах и трибуналах[4]. Признавая существование разногласий относительно уровня контроля, необходимого для приписывания государству ответственности в соответствии с правом и для целей квалификации конфликта как международного или немеждународного, Комментарий излагает мнение МККК: «Критерий общего контроля является уместным, поскольку понятие “общий контроль” лучше отражает реаль-

[1] Комментарий к общей ст. 2, пп. 222-223 (выше, прим. 3).

[2] В этом предложении говорилось: «Когда в случае немеждународного вооруженного конфликта одна или другая Сторона или обе Стороны пользуются помощью действующих вооруженных сил, предоставленных третьим государством, Стороны в конфликте применяют в полном объеме МГП, применимое в международных вооруженных конфликтах» (Конференция правительственных экспертов по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, *Report on the work of the Conference*, ICRC, Geneva, 1971, p. 50). Среди причин, побудивших экспертов отвергнуть это предложение, отмечалось, что оно подталкивало бы немеждународные вооруженные группы к поиску поддержки иностранными государствами (см. ibid.. pp. 51–52).

[3] Подробнее см.: комментарий к общей ст. 3, пп. 402-405 (выше, прим. 3).

[4] См., например: International Criminal Court for the Former Yugoslavia (ICTY), The Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-A, Judgment (Appeals Chamber), 15 July 1999, paras 102–145; International Court of Justice (ICJ), *Case Concerning Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), Judgement, ICJ Reports 2007*, paras 404–405. Обсуждение этих дел и применявшиеся в них критерии см. в комментарии к общей ст. 2, пп. 265–273 (выше, прим. 3).

ные отношения между вооруженной группой и третьим государством, в том числе и для целей приписывания ответственности»[1].

Регулирование немеждународных вооруженных конфликтов в общей статье 3

Стало почти банальностью утверждение о том, что огромное большинство вооруженных конфликтов за последние 60 лет имело немеждународный характер. В связи с этим общая статья 3 сегодня рассматривается как одно из центральных положений МГП. То обстоятельство, что общая статья 3 представляет собой «мини-конвенцию» для немеждународных конфликтов, отмечалось уже на Дипломатической конференции 1949 г.[2] С тех пор фундаментальный характер положений этой статьи был признан в качестве «минимального критерия», соблюдение которого обязательно во всех вооруженных конфликтах и как отражение «минимальных соображений гуманности»[3].

В обновленном Комментарии рассматриваются различные правовые вопросы, относящиеся к обстоятельствам, в которых действует эта мини-конвенция. В число таких вопросов входят географическая и временная сферы применения общей статьи 3[4], ее обязательная сила для негосударственных вооруженных групп и многонациональных сил[5], покровительствуемые лица[6], основополагающие обязательства сторон в немеждународном вооруженном конфликте[7], гуманитарная деятельность[8], специальные соглашения[9] и правовой статус сторон в конфликте[10].

Вот лишь один пример: в обновленном Комментарии подробно разбирается вопрос о том, что именно означает обязательство подбирать больных и раненых и оказывать им помощь, которое изложено в общей статье 3 очень лаконично. Это истолкование, основанное на содержащемся в статье 3 общем обязательстве обращаться с ранеными и больными гуманно, подчеркивает, что к раненым и больным следует проявлять уважение и защищать их. Оно также использует подробности, изложенные в Дополнительном протоколе II, и нормы обычного международного гуманитарного права, чтобы дополнить оценку средств защиты, которые рассматриваются как подразумеваемые в базовом обязательстве проявлять заботу о раненых и больных, включая защиту медицинского персонала, учреждений и санитарных транспортов, а также использование эмблемы (это лишь некоторые из них)[11].

Далее, сейчас признается, что серьезные нарушения общей статьи 3, такие как убийство, пытки и взятие заложников, также представляют собой военные преступления в немеждународных вооруженных конфликтах, как это признано в Статуте МУС и в обычном МГП[12]. В комментарии к общей статье 3 приводится обсуждение этих запретов в свете судебной практики международных уголовных судов и три-

---

[1] Обсуждение критерия общего контроля см. в комментарии к общей ст. 2, пп. 265–273, особенно п. 271 (выше, прим. 3).

[2] См.: Diplomatic Conference for the Establishment of International Conventions for the Protection of War Victims, *Final Record of the Diplomatic Conference of Geneva of 1949*, Vol. II-B, p. 326. Тогда это выражение было использовано, чтобы подчеркнуть лаконичность и самодостаточность того проекта, который был в конечном счете принят как общая ст. 3, — в отличие от других рассматривавшихся на Дипломатической конференции подходов, делавших некоторые положения Женевских конвенций как таковые применимыми к немеждународным вооруженным конфликтам.

[3] См.: ICJ, *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua*, Judgment, ICJ Reports 1986, paras 218–219.

[4] Комментарий к общей ст. 3, пп. 452–502 (выше, прим. 3).

[5] Там же, пп. 503–517.

[6] Там же, пп. 518–549.

[7] Там же, пп. 550–580.

[8] Там же, пп. 779–840.

[9] Там же, пп. 841–860.

[10] Там же, пп. 861–869.

[11] Там же, пп. 768–778.

[12] Там же, пп. 581–695.

буналов, равно как и внутригосударственных судов[1]. Кроме того, в новый Комментарий добавлено рассмотрение других правовых вопросов, связанных с предоставляемой в немеждународных вооруженных конфликтах защитой, таких как запрещение сексуального насилия[2], применимость принципа запрета на высылку во время немеждународного вооруженного конфликта[3] и административное задержание[4].

Еще один пример относится к запрещению сексуального насилия. Этот запрет упоминается в Женевских конвенциях в прямой форме только в отношении международного вооруженного конфликта (см. статью 27 ЖК IV). Однако он также подразумевается в Женевских конвенциях и для немеждународных вооруженных конфликтов – в обязательстве обеспечивать гуманное обращение. В Комментарии содержатся ссылки на судебную практику и уставы международных уголовных трибуналов и делается вывод о том, что сексуальное насилие запрещается во всех вооруженных конфликтах, поскольку оно может представлять собой посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, пытки, причинение увечий или жестокое обращение, а всё это, безусловно, запрещается[5].

Предложение услуг в общих статьях 3 и 9/9/9/10

Еще одно изменение можно найти в истолковании общих статей 9/9/9/10 и общей статьи 3(2) в отношении предложения услуг МККК или другими беспристрастными гуманитарными организациями в международных и немеждународных вооруженных конфликтах. Если в Комментарии 1952 г. утверждалось, что решение о согласии на гуманитарную деятельность оставляется полностью на усмотрение воюющей державы и в случае отказа от предложения услуг нет необходимости указывать причину такого отказа[6], то в новом Комментарии содержится вывод о том, что в настоящее время не допускается произвольный отказ от такого предложения услуг. После 1949 г. развивалось и международное право в целом, и МГП в частности, и сейчас стало общепринятым мнение о том, что сторона в конфликте, согласие которой запрашивается, должна оценить предложение услуг добросовестно и в соответствии со своими правовыми обязательствами, касающимися гуманитарных потребностей[7]. Таким образом, если сторона в вооруженном конфликте не желает или не в состоянии удовлетворить эти гуманитарные потребности, она должна принять предложение услуг от беспристрастной гуманитарной организации. Если гуманитарные потребности не могут быть удовлетворены иным образом, отказ принять предложение услуг будет произвольным и поэтому явится нарушением международного права[8].

Развитие в других областях

Защита раненых и больных

Основная задача Женевской конвенции I состоит в том, чтобы обеспечить уважение и защиту раненым и больным из числа личного состава вооруженных сил во время вооруженного конфликта. С 1864 г., когда эта идея была впервые отражена в международном договорном праве, ведение войны очень сильно изменилось и продолжало изменяться и после принятия Женевских конвенций 1949 г. В обновленном комментарии к статье 12 приняты во внимание современные условия, в

[1] Там же, пп. 870–903.
[2] Там же, пп. 696–707.
[3] Там же, пп. 708–716.
[4] Там же, пп. 717–728.
[5] Там же, пп. 696–707.
[6] J. Pictet (ed.), см. прим. 15 выше, p. 110.
[7] ICRC, *International Humanitarian Law and the challenges of contemporary armed conflicts*, report to the 31st International Conference of the Red Cross and Red Crescent, ICRC, Geneva, 2011, p. 25.
[8] Комментарий к общей ст. 3, пп. 833–834, и ст. 9, пп. 1173–1174 (выше, прим. 3).

которых должна предоставляться защита раненым и больным, в то же время он утверждает, что данное обязательство, как и прежде, остается краеугольным камнем МГП.

Благодаря точным определениям, содержащимся в Дополнительном протоколе I, обновленный комментарий к статье 12 подтверждает, что решающий критерий для установления того, является ли член личного состава вооруженных сил раненым или больным, таков: нуждается ли это лицо в медицинской помощи, независимо от того, насколько серьезно его состояние, и воздерживается ли оно от любых враждебных действий[1].

Далее пересмотренный Комментарий отражает наиболее важные аспекты обязательства уважать и защищать раненых и больных – от принятия во внимание их присутствия при планировании и осуществлении нападений[2] и подтверждения запрета на так называемые «контрольные выстрелы»[3] до общего обязательства вообще иметь медицинские службы[4]. Кроме того, пересмотренный Комментарий указывает на необходимость учитывать вероятное присутствие гражданских лиц, а также – при рассмотрении возможности (и до нанесения) второго удара по военному объекту – то, что медицинский персонал может броситься к месту нападения, чтобы оказать помощь[5].

Наконец, на протяжении тех десятилетий, что прошли с 1949 г., велась дискуссия по вопросу, имеющему огромное практическое значение для военных властей: может ли медицинский персонал быть вооруженным и если да, то какие ограничения применяются в этом случае. Сама ЖК I рассматривает его только в одном месте: в статье 22(1), согласно которой тот факт, что «личный состав [военного] санитарного формирования или учреждения вооружен и пользуется своим оружием для самообороны или защиты своих раненых и больных», не может рассматриваться как обстоятельство, лишающее указанное формирование или учреждение защиты. Таким образом, Конвенция совершенно умалчивает о том, может ли оружие быть размещено в этих формированиях. Такая же ситуация возникает при рассмотрении положений, относящихся к санитарно-транспортным средствам, включая санитарную авиацию. Хотя в принципе то, что военно-медицинский персонал может быть вооружен, признается в вышеуказанном положении, его текст ничего не говорит о применимых ограничениях, если они вообще существуют, в отношении вида оружия, которое может быть им предоставлено, или в отношении обстоятельств, в которых оно может быть применено. В обновленном Комментарии рассматривается развитие права по этому вопросу, который не был освещен в ЖК I, а также анализируются возможные последствия вооружения военно-медицинского персонала, формирований и санитарно-транспортных средств в связи с правом использовать отличительную эмблему Женевских конвенций[6].

Обязательство распространять знания и информацию

«Комментарий Пикте» отражал в первую очередь убежденность составителей, которые в то время считали, что распространение знаний само по себе обеспечит соблюдение, однако новый Комментарий принимает в расчет эмпирические исследования, указывающие на то, что одного лишь знания недостаточно для создания положительного отношения к норме и что ключевыми факторами, определяющими поведение вооруженных людей во время военных действий, являются

[1] Комментарий к ст. 12, пп. 1341–1351 (выше, прим. 3).

[2] Там же, пп. 1355–1357.

[3] Там же, п. 1404. Этот термин относится к практике преднамеренных выстрелов в раненых, чтобы наверняка их убить.

[4] Комментарий к ст. 18, п. 1750 (выше, прим. 3).

[5] Там же, пп. 1749–1750.

[6] Комментарий к ст. 22, пп. 1862-1869; ст. 24, пп. 2005-2006; ст. 35, пп. 2393-2402; ст. 36, п. 2449 (выше, прим. 3).

военная доктрина, обучение, подготовка и оборудование и, разумеется, наказание нарушителей.

В обновленном Комментарии утверждается: чтобы МГП было эффективным, оно не должно преподноситься как некий абстрактный свод правовых норм – оно должно быть интегрировано во все виды деятельности военного характера, подготовки и обучения. Цель такой интеграции должна заключаться в оказании влияния на военную культуру и ценности, лежащие в ее основе таким образом, чтобы обеспечить максимальное включение правовых соображений и принципов МГП в военную доктрину и принятие решений[1].

Уголовное пресечение нарушений

В статье 49 ЖК I рассматривается пресечение нарушений и уголовные санкции. Аналогичное положение включено во все четыре Женевские конвенции. Новый комментарий к статье 49 был значительно расширен, чтобы отразить важные изменения, происшедшие в этой области за последние десятилетия. Хотя раздел «История создания» в комментарии к статье 49 короче, чем в предыдущей версии 1952 г., обновленный Комментарий рассматривает совершенно новые вопросы, обзор того, как государства имплементировали режим пресечения серьезных нарушений МГП в свое внутреннее законодательство, а также анализ универсальной юрисдикции и ее истолкования государствами[2]. В нем также дается критическая оценка эффективности режима серьезных нарушений, содержащегося в статье 49, и исследуется вопрос о том, преследовали (экстрадировали) ли государства лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений, на основании Женевских конвенций[3], обсуждаются проблемы концепции иммунитета глав государств[4] и возможности распространения режима серьезных нарушений на немеждународные вооруженные конфликты[5].

Развитие международного гуманитарного права и особенно практика Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР), Специального суда по Сьерра-Леоне (СССЛ) и, в сравнительно недавнее время, — МУС позволили выработать более качественные определения ряда запретов, устанавливаемых МГП, как в международных, так и в немеждународных вооруженных конфликтах, таких как запрещение убийства, пыток, причинения увечий или, как упоминалось выше, биологических экспериментов в общей статье 3 и статье 12 ЖК I.

Некоторые сквозные вопросы

Гендерный аспект истолкования ЖК I

Обновленный Комментарий описывает там, где это уместно, как практическое применение того или иного положения может по-разному сказаться на женщинах, мужчинах, девочках и мальчиках. Упоминание в первоначальном Комментарии о женщинах, как о «тех, кто слабее тебя, и чья честь и стыдливость требуют уважения», больше не может считаться допустимым[6]. Конечно, первоначальные Комментарии были продуктом социальных и исторических условий своего времени. Однако се-

[1] Комментарий к ст. 47, пп. 2773–2776 (выше, прим. 3). Дополнительно по этой теме см.: Andrew J. Carswell, «Converting treaties into tactics on military operations», International Review of the Red Cross, Vol. 96, Nos 895/896, 2014, pp. 919–942, доступно по адресу: https://www.icrc.org/en/international-review/article/converting-treaties-tactics-military-operations; Elizabeth Stubbins Bates, «Toward effective military training in international humanitarian law», International Review of the Red Cross, Vol. 96, Nos 895/896, 2014, pp. 795–816, доступно по адресу: https://www.icrc.org/en/international-review/article/towards-effective-military-training-international-humanitarian-law.

[2] Комментарий к ст. 49, пп. 2863–2867 (выше, прим. 3).

[3] Там же, пп. 2857–2858.

[4] Там же, пп. 2872–2877.

[5] Там же, пп. 2903–2905.

[6] См.: J. Pictet (ed.), прим. 15 выше, p. 140.

годня существует более глубокое понимание того обстоятельства, что и женщины, и мужчины, и девочки, и мальчики имеют свои особые потребности и свой особый потенциал – вооруженный конфликт может затрагивать их по-разному. Новый Комментарий отражает это понимание в соответствующих статьях и принимает во внимание международно-правовые изменения в том, что касается равенства полов.

Помимо обновленного комментария к статье 12(4) ЖК I, который регулирует конкретно обращение с женщинами[1], примеры включения гендерного аспекта в пересмотренный Комментарий к ЖК I можно найти в обсуждении таких концепций, как гуманное обращение, недопущение неблагоприятного различия и обязательство заботиться о раненых и больных в общей статье 3 и статье 12[2], а также в комментариях к статьям 6, 11, 23 и 31 ЖК I[3].

Новые технологии

Современное истолкование МГП требует при обсуждении конкретных договорных норм принимать во внимание новые технологии и их влияние на ведение войны.

Так, например, сегодня признается, что обозначение медицинских объектов может также включать в себя сообщение другим сторонам координат GPS вместе с обозначением их отличительной эмблемой или вместо него[4]. Координаты GPS могут также помочь в опознании лиц и установлении точного местонахождения захоронений[5].

Еще один пример — использование для передачи информации электронной почты, поскольку она является самым быстрым средством связи[6]. Электронная почта может также использоваться в тех случаях, когда МГП требует делать предупреждение[7]. Хотя использование координат GPS и электронной почты для усиления защиты, предусматриваемой Женевской конвенцией, не является спорным, применение МГП в отношении других технологий сопряжено с гораздо более серьезными проблемами и до сих пор часто вызывает дискуссии. Обновленный Комментарий содержит обсуждение этих проблем и отражает дискуссии, ведущиеся в настоящее время, например по вопросу приравнивания кибероперацій к применению вооруженной силы, представляющей собой вооруженный конфликт[8], или вопросу о нанесении ударов беспилотными летательными аппаратами в свете обязательства подбирать раненых и больных и заботиться о них, как того требует статья 15 ЖК I[9].

Последний пример такого рода — возможность брать образцы ДНК, что открывает новые перспективы опознания и сбора информации о больных, раненых и умерших. В обновленном Комментарии рассматриваются эти новые возможности и меры безопасности, необходимые для взятия и анализа образцов ДНК[10].

Конкретные вопросы, относящиеся к практике государств

Положения, которые оказались мало востребованы после 1949 г.

Обзор практики государств и судебных прецедентов показал, что некоторые положения играли небольшую роль или вообще не имели никакого значения в воору-

[1] Комментарий к ст. 12, пп. 1427–1429, 1435 (выше, прим. 3).

[2] Комментарий к общей ст. 3, пп. 553, 578, 766; ст. 12, пп. 1362, 1373, 1395 (выше, прим. 3).

[3] Комментарий к ст. 6, п. 966; ст. 11, п. 1293; ст. 23, п. 1931; ст. 31, п. 2273 (выше, прим. 3).

[4] Комментарий к общей ст. 3, п. 775; ст. 42, п. 2649 (выше, прим. 3).

[5] Комментарий к ст. 16, п. 1577; ст. 17, пп. 1667, 1713 (выше, прим. 3).

[6] О передаче информации, о которой говорится в ст. 16, по электронной почте см. комментарий к ст. 16, пп. 1593, 1598 (выше, прим. 3); о передаче сообщений о ратификации или присоединении к Конвенции по электронной почте см. комментарий к ст. 62, п. 3259 (выше, прим. 3).

[7] См. комментарий к ст. 21, п. 1850 (выше, прим. 3).

[8] Комментарий к общей ст. 2, пп. 253–256 (выше, прим. 3).

[9] Комментарий к ст. 15, п. 1491 (выше, прим. 3).

[10] Комментарий к ст. 16, п. 1584; ст. 17, пп. 1661, 1673 (выше, прим. 3).

женных конфликтах, происходивших после 1949 г. Новый Комментарий указывает на это и рассматривает в таких случаях вопрос о том, не устарела ли та или иная норма. Примерами таких положений являются статьи 28, 30 и 31 ЖК I, регулирующие условия, при которых может быть задержан медицинский и духовный персонал, а также личный состав добровольных обществ помощи, попавший во власть противной стороны. Во время Второй мировой войны воюющие стороны задерживали большое число медицинского персонала противника в течение длительного времени[1], однако в международных конфликтах после 1949 г. такая практика оказалась редкой. Хотя в Комментарии делается вывод о том, что положения, регулирующие задержание, остаются применимыми и актуальными, как показывают исследования, количество международных конфликтов, в которых они применялись на практике, с течением времени уменьшалось[2]. Еще один пример — предоставление персонала национальных обществ помощи, таких как общества Красного Креста или Красного Полумесяца, в распоряжение санитарных служб армии. Хотя это остается возможным вариантом, к нему никто не прибегал за последние десятилетия, и, таким образом, статьи, относящиеся к этому персоналу, их имуществу и их идентификации, не играли очень значительной роли после 1949 г.[3]

Назначение держав-покровительниц, регулируемое статьей 8 ЖК I, представляет собой еще один пример. В то время как Дипломатическая конференция 1949 г. сделала державы-покровительницы центральным элементом системы мониторинга соблюдения Женевских конвенций в международном вооруженном конфликте, практика после 1949 г. в этом направлении не развивалась, и назначение держав-покровительниц в случае международного вооруженного конфликта было скорее исключением, чем правилом. После того как были приняты Конвенции 1949 г., о назначении держав-покровительниц известно лишь в пяти конфликтах[4]. По-видимому, после 1949 г. развитие практики привело к тому, что назначение держав-покровительниц стало постепенно рассматриваться как мера, имеющая необязательный характер. Однако это не исключает возможности назначения держав-покровительниц в международных вооруженных конфликтах будущего на основании статьи 8[5].

Отсутствие практики применения какого-либо положения само по себе не ведет к устарелости такого положения. Устарелость означает, что договорная норма более не применима или была изменена, а такой вывод не следует делать слишком поспешно. Для этого необходимо соблюдение жестких условий, и это требует согласия, по меньшей мере молчаливого, сторон или появления внутренне противоречивой нормы обычного международного права[6]. Хотя некоторые положения, по всей видимости, не применялись широко в течение последних шести десятилетий, не было обнаружено никаких свидетельств того, что они более не применимы.

Процедуры, предусмотренные Конвенцией, которые не применялись как таковые

В том, что касается некоторых процедур, предусмотренных Женевской конвенцией, исследования показали, что практика государств отклонялась от точных

[1] См.: J. Pictet (ed.), прим. 15 выше, p. 237.

[2] Недавний пример возвращения медицинского персонала см. в комментарии к ст. 40, п. 2610 (выше, прим. 3).

[3] См. комментарии к ст. 26, 27, 32, 34 и 43 (выше, прим. 3).

[4] Известно, что державы-покровительницы назначались во время Суэцкого конфликта (1956 г.) между Египтом, с одной стороны, и Францией и Соединенным Королевством – с другой, конфликта между Францией и Тунисом из-за Бизерты (1961 г.), конфликта из-за Гоа между Индией и Португалией (1961 г.), индо-пакистанского конфликта (1971 г.) и конфликта из-за Фолклендских/Мальвинских островов между Аргентиной и Соединенным Королевством (1982 г.), см.: комментарий к ст. 8, п. 1115 (выше, прим. 3).

[5] См. комментарий к ст. 8, раздел Н (выше, прим. 3).

[6] См.: Вступительная статья к Комментарию (выше, прим. 8), пп. 51–52, с дальнейшими примечаниями.

формул, изложенных в Женевской конвенции, однако соответствовала принципам и смыслу существования этих механизмов, предусмотренных составителями.

Практика государств указывает на то, что добрые услуги как часть согласительных процедур, о которых идет речь в статье 11 ЖК I, в действительности применялись гибко и не ограничивались деятельностью, сводившейся исключительно к содействию контактам между противостоящими сторонами. Учитывая это изменение, а также гуманитарную цель статьи 11, обновленный Комментарий поясняет, что упоминание «добрых услуг» в части 1 не следует понимать ограничительно, но предусматривать возможность использования любых дипломатических инициатив, отвечающих интересам покровительствуемых лиц[1].

Подобным же образом никогда не использовалась и процедура расследования, о которой говорится в статье 52 ЖК I. Это не означает, что общая идея, лежащая в основе положения о расследовании заявлений о нарушениях МГП, была отвергнута. Напротив, такие расследования проводятся регулярно в форме официальных расследований по инициативе и под эгидой международного сообщества с использованием процедур расследования в рамках системы ООН или установления фактов в ходе работы международных уголовных трибуналов. Несмотря на то, что процедура расследования, предусмотренная Женевскими конвенциями 1949 г., пока не использовалась, обновленный Комментарий не делает вывод о том, что это положение устарело, а некоторые эксперты до сих пор утверждают, что она является потенциально привлекательным вариантом для целей достижения более строгого соблюдения МГП[2].

Практика государств, отличающаяся от буквального значения текста

В том, что касается отдельных положений, исследование показало, что практика государств не следовала буквальному значению текста, но тем не менее соответствовала общим идеям и принципам, лежащим в основе положений. Например, статья 38 ЖК I предусматривает использование красного полумесяца (или красных льва и солнца) только «в отношении стран, употребляющих уже вместо красного креста красный полумесяц или красные лев и солнце на белом поле в качестве отличительного знака». Формально это означает, что ни одно из десятков новых

[1] Определение термина «добрые услуги» в международном праве и сведения об эволюции его понимания см. в комментарии к ст. 11, пп. 1282–1286 (выше, прим. 3).

[2] Комментарий к ст. 52, пп. 3059–3064 (выше, прим. 3).

государств, созданных или учрежденных после 1949 г., став участником Женевских конвенций, не могло бы принять решение использовать не красный крест, а иную эмблему. Однако тщательное исследование практики государств показало, что ни одно государство никогда не настаивало на соблюдении этого правила, демонстрируя, по сути, убежденность в том, что среди отличительных эмблем иерархии быть не должно[1]. Обновленный Комментарий отражает, таким образом, равенство отличительных эмблем, включая красный кристалл, — эта эмблема была утверждена в Дополнительном протоколе III 2005 г.[2]

Эволюция истолкования статьи 8 о державах-покровительницах также может рассматриваться как отступление от строгого прочтения текста. Обязательство, согласно которому Конвенция «будет применяться при содействии и под контролем держав-покровительниц» сейчас рассматривается не как обязательство, а скорее, как один из возможных вариантов[3].

Заключение

Работа, потребовавшаяся для обновления Комментария к ЖК I, показала, что Конвенция сегодня так же актуальна, как и в то время, когда она была принята. Хотя ведение войн меняется, разрабатываются новые системы вооружений, характерным признаком вооруженных конфликтов остается наличие множества людей, остро нуждающихся в защите. Женевские конвенции предоставляют такую защиту, и сегодня их значение исключительно велико.

Женевская конвенция I оказалась критически важной для обеспечения заботы о раненых и больных из числа личного состава вооруженных сил и их защиты, а также защиты военного медицинского персонала, формирований и санитарно-транспортных средств. Она оказала глубокое влияние на развитие национальных военных стратегий и процедур, на предоставление ресурсов, подготовку и имплементацию. Основываясь на нормах Конвенции, МККК призывает государства соблюдать определенные стандарты обращения с ранеными и больными во время вооруженного конфликта, и эти нормы, в числе прочих, позволяют МККК осуществлять свою гуманитарную миссию на местах и выступать с предложениями об оказании гуманитарной помощи.

Тем не менее вооруженные конфликты продолжают порождать страдания, которые государства надеялись искоренить, когда они согласились принять четыре пересмотренные и частично новые Конвенции в 1949 г. Несоблюдение права — по-прежнему самый большой вызов для всех тех, кто полон решимости облегчать страдания людей во время войны. Комментарии к Женевским конвенциям и Дополнительным протоколам к ним представляют собой важный руководящий инструмент в усилиях МККК, государств, международных организаций, судов и гуманитарных акторов – усилиях, направленных на обеспечение соблюдения права.

Обновленный Комментарий к ЖК I является первым из серии обновленных Комментариев, которые будут изданы МККК в ближайшие несколько лет. В настоящее время ведутся исследования в области защиты раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (ЖК II), защиты военнопленных (ЖК III) и защиты гражданского населения во время войны (ЖК IV). Обновленные Комментарии к этим Конвенциям и к Дополнительным протоколам I и II к ним будут изданы один за другим в предстоящие несколько лет. Следующим станет обновленный Комментарий к Женевской конвенции II, он будет опубликован в 2017 г.

Материал предоставлен Региональной делегацией Международного Комитета Красного Креста в России, Беларуси и Молдове.

[1] Комментарий к ст. 38, пп. 2547–2551 (выше, прим. 3).

[2] См. ст. 2 ДП III от 8 декабря 2005 г., касающегося принятия дополнительной отличительной эмблемы.

[3] Подробнее см. комментарий к ст. 8, раздел Н выше, прим. 3).

Узейир Маммадов, доцент кафедры международного и европейского права Казанского федерального университета, кандидат юридических наук.
E-mail: uzeyirm@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОБЛЮДЕНИЯ МГП ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ: ОТ СУДОВ ОРГАНИЗОВАННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ГРУПП ДО МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ[1]

Современные вооруженные конфликты характеризуются активным участием в них организованных вооруженных групп (ОВГ), некоторые из которых рассматриваются и признаются в качестве террористических групп. Нередко вооруженные конфликты с участием ОВГ, включая террористические группы, сопровождаются актами исключительной жестокости. Данное обстоятельство диктует необходимость уважения и неукоснительного соблюдения всеми сторонами вооруженного конфликта международного гуманитарного права (МГП). Как недопустимость развязывания вооруженных конфликтов, так и соблюдение МГП в процессе вооруженных конфликтов, являются идеальной моделью желаемого результата. Однако на практике возникают различные проблемы с соблюдением МГП в процессе вооруженных конфликтов. В связи с этим возникает ряд вопросов: возможно ли обеспечить уважение и соблюдение МГП в вооруженных конфликтах с участием террористических групп? Насколько суды организованных вооруженных групп, суды государств и международные судебные учреждения во время вооруженных конфликтов и в постконфликтной ситуации способны обеспечить уважение и соблюдение МГП?

Ответы на данные вопросы во многом будут зависеть от ряда *факторов*, которые прямо или опосредовано влияют на них.

Фактор 1. Проблема дефиниции термина «террористические группы».

Характеристика группы как террористической зависит от определения понятия «терроризм», по поводу которого пока не достигнут полный консенсус. На практике существуют объективные и субъективные (дискреционные) подходы к характеристике ОВГ как террористических. В первом случае маркировка ОВГ как террористической группы может ставиться в зависимость от совершения ими террористических актов. Во втором случае – зависеть от усмотрения правительств отдельных государств, которые, руководствуясь собственной политической целесообразностью, стигматизируют все ОВГ, оказывающие вооруженное сопротивление центральной власти. Это чревато стиранием границ между реальными террористическими группами и ОВГ, не прибегающими к террористической деятельности.

Помимо этого, сама квалификация движения или ОВГ как террористической группы может быть изменчивой, динамичной. Отдельные ОВГ могут быть включены в национальные, региональные или международные списки террористических групп, а впоследствии исключены из таких списков на основании решений

[1] Тезисы доклада на дискуссионных сессиях «Контртерроризм: правовые проблемы и региональные подходы». В 2018 г. планируется публикация полного текста доклада в виде статьи в «Российском юридическом журнале» (http://www.ruzh.org/).

судов (например, Организация моджахедов иранского народа или Моджахедин-э Халк)[1].

Соответственно, нет унифицированного понятия «террористические группы» и перманентного обладателя такого статуса. Во многом термин «террористические группы» на практике используется для обоснованной или даже необоснованной стигматизации определенных групп.

Фактор 2. Проблема квалификации современных вооруженных конфликтов с участием ОВГ, в т.ч. террористических групп.

Современные вооруженные конфликты характеризуются достаточно сложной структурой и составом задействованных и вовлеченных в них сторон. Вопрос о том, насколько ОВГ (в т.ч. террористические группы) самостоятельны вообще или при проведении отдельных операций, нередко остается не совсем ясным. Как известно, обычно вооруженные конфликты с участием ОВГ (в т.ч. террористических групп) рассматриваются как немеждународные вооруженные конфликты (НМВК). Однако с учетом выработанных международной судебной практикой стандартов контроля, а также отдельных положений статей «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» (ст.ст. 8-11)[2], подготовленных Комиссией международного права (КМП), нельзя исключать квалификацию конкретной ситуации вооруженного насилия как международного вооруженного конфликта (МВК). Кроме того, в последние годы все чаще звучат термины гибридная война (*hybride warfare*), опосредованная война или война чужими руками (*proxy war*) и т.д., что приводит к дополнительным сложностям с квалификацией вооруженных конфликтов. Как следствие, в зависимости от квалификации может определяться корпус норм МГП, подлежащий к применению в конкретной ситуации (МВК или НМВК), а также механизмы обеспечения их соблюдения.

Фактор 3. Проблема определения обязательств по МГП и МППЧ у ОВГ.

Согласно общему подходу отдельные обязательства по МГП адресованы негосударственной стороне НМВК и приписываются ОВГ и ее членам. Ряд таких обязательств закреплен в договорных источниках, а другие в обычно-правовых источ-

[1] См., например: PMOI - People's Mujahideen Organisation of Iran / Mujahedin e Khalq - Организация моджахедов иранского народа или Моджахедин-э Халк); ECJ: Judgment of the Court of First Instance (Second Chamber) of 12 December 2006. Organisation des Modjahedines du peuple d'Iran v Council of the European Union. Common foreign and security policy - Restrictive measures directed against certain persons and entities with a view to combating terrorism - Freezing of funds - Actions for annulment - Rights of the defence - Statement of reasons - Right to effective judicial protection - Action for damages. Case T-228/02. European Court Reports 2006 II-04665. ECLI identifier: ECLI:EU:T:2006:384 // URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62002TJ0228&rid=1; UK: POAC Judgment of 30/11/07 in Lord Alton of Liverpool & Others (in the Matter of the People's Mojahadeen Organisation of Iran) v Secretary of State for the Home Department. Appeal No: PC/02/2006; Court of Appeal Judgment dated 07/05/08 in Secretary of State for Home Department v Lord Alton and Others. Case no: 2007/9516.

[2] В частности, ст. 8 (Поведение под руководством или контролем государства), ст. 9 (Поведение в отсутствие или при несостоятельности официальных властей), ст. 10 (Поведение повстанческого или иного движения), ст. 11 (Поведение, которое признается или принимается государством в качестве собственного). См.: Резолюция 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», принята Генеральной Ассамблеей 12 декабря 2001 г.

никах – обычном международном гуманитарном праве (ОМГП). Однако с данным вопросом существуют определенные трудности, которые имеют как теоретический, так и практический характер.

Во-первых, рациональное обоснование юридической обязательности характера МГП для ОВГ остается в некотором смысле слабым. Это обусловлено тем, что существуют определенные проблемы с обоснованием юридической обязательности МГП для ОВГ в контексте субстантивной и процедурной легитимности. Не случайно в доктрине существуют примерно 5 концепций обоснования юридической обязательности характера МГП для ОВГ[1]. В зависимости от задач различные концепции могут быть более приемлемыми для обоснования обязательного характера МГП для ОВГ.

Во-вторых, сама природа отдельных обязательств по МГП, адресованных негосударственной стороне НМВК и приписываемых ОВГ и ее членам, не позволяет обеспечить их эффективное осуществление. Даже обращение к индивидуальной уголовной ответственности согласно международному уголовному праву, как последствия нарушения определенных обязательств, мало что может дать. Это обусловлено тем, что если отдельные обязательства могут возлагаться и на ОВГ, и на членов ОВГ индивидуально, то некоторые обязательства могут вменяться только ОВГ и осуществляться ими в целом как образованиями. В последнем случае речь идет о запрещении осуждения и применения наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными народами (общая ст. 3(1)(d) Женевских конвенций I-IV).

Подобным же образом обстоят дела с отдельными обязательствами по МППЧ, адресованным негосударственной стороне НМВК и приписываемых ОВГ и ее членам. При этом теоретические концепции (например, *Drittwirkung*) при всей своей привлекательности мало что могут дать в данном контексте.

Фактор 4. Проблема применимости традиционных (конвенционных) правовых механизмов обеспечения соблюдения ОВГ обязательств по МГП и МППЧ.

Приверженность уважению и соблюдению МГП и МППЧ во многом зависят от *правосознания и правовой культуры*, а также других факторов. Однако важными традиционными правовыми механизмами обеспечение соблюдения норм международного права являются: *контроль, ответственность, гарантии*.

Формальные (конвенционные) механизмы международно-правового контроля, международно-правовой ответственности и международно-правовых гарантий как они регламентированы в нормах международного права (МГП и МППЧ) адресованы, прежде всего, признанным традиционным субъектам международного права. Указанные нормы международного права в целом не применимы в должной степени к ОВГ (в т.ч. «террористическим группам») как образованиям.

Фактор 5. Проблемы обеспечения соблюдения МГП и МППЧ посредством судебного преследования и ответственности.

Судебное преследование, привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания играют большую роль в обеспечении соблюдения МГП и МППЧ. Хотя данный механизм приводится в действие и применяется путем уголовного преследования за действия, совершенные в прошлом, но он может иметь превентивный эффект в будущем, обеспечивая уважение и соблюдение норм МГП и МППЧ. Данный вопрос можно рассматривать в контексте как текущего вооруженного конфликта, так и в постконфликтный период.

[1] См.: Более подробный анализ концепций и преимуществ и недостатков каждой из них изложен в статье Jann K. Kleffner. The applicability of international humanitarian law to organized armed groups // IRRC, Volume 93 Number 882 June 2011. PP. 443-461.

Во время вооруженного конфликта, думается, основное бремя по обеспечению уважения и соблюдения МГП может ложиться на суды ОВГ и суды государства.

Говоря о судах ОВГ, следует отметить, что в целом ряде НМВК участвующие в них ОВГ (в т.ч. террористические группы) прибегали к практике создания судов. В качестве примеров могут служить: *Фронт национального освобождения им. Фарабундо Марти*[1], *Коммунистическая партия Непала (маоистская)*[2], *Тигры освобождения Тамил-Илама*[3] и др.

Создание судов ОВГ – не редкость, однако существуют проблемы, связанные с легитимностью их учреждения и деятельности, а также обеспечением принципа справедливого судебного разбирательства, способностью вносить вклад в поддержание общественного порядка, искоренение беззаконности и практики безнаказанности.

Общая ст. 3(1)(d) Женевских конвенций I-IV устанавливает запрет на «осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного *надлежащим образом учрежденным судом*, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями».

Ст. 6(2) Дополнительного протокола II, регламентирующая вопросы уголовного преследования, устанавливает, что «никакое судебное решение не выносится и никакое наказание не налагается в отношении лица, признанного виновным в правонарушении, кроме как на основе приговора *суда, обеспечивающего основные гарантии независимости и беспристрастности*».

При этом ст. 6(3) Дополнительного протокола II определяет: «При вынесении приговора осужденному должно быть сообщено о его праве на *обжалование в судебном или ином порядке*, а также о сроке, в течение которого он может воспользоваться этим правом».

Надлежащим образом учрежденный суд, согласно самому общему подходу, предполагает, что суд создан и действует на основании закона, осуществляет рассмотрение судебных дел на основании процессуальных норм закона, разрешает судебные дела по существу на основании материальных норм закона. При этом в государстве могут быть различные суды (региональные, окружные, верховный и т.д.), но все они являются элементами единой системы судебной власти. Подобным же образом законы, на основании которых учреждаются и действуют суды, рассматривают судебные дела и т. д., представляют собой части единой правовой системы государства. Допустить существование параллельных судов или законодательных актов противоречило бы внутреннему суверенитету государств, исключающему действие на территории государства системы власти иной, нежели система власти самого государства, а также законодательных актов иных, нежели законодательные акты, принятые надлежащей государственной властью. Правда, при толковании понятия «*учрежденный законом*» в широком смысле возможно апеллирование к так называемым «*законам*» ОВГ. Однако данный аргумент выглядит достаточно неоднозначным и спорным.

Элементы преступлений[4] к Римскому статуту МУС[5] связывают понятие «*надлежащим образом учрежденный суд*» с «*существенными гарантиями независимости и беспристрастности*» (ст. 8(2)(c)(iv)). Норма 100 ОМГП[6] таким же образом отмечает признаки *независимости, беспристрастности и надлежащего учреждения*.

---

[1] Фронт цационального освобождения им. Фарабундо Марти (Frente Farabundo Martí para la Liberación Nacional, FMLN) в период вооруженного конфликта в Сальвадоре в 1980-1992 гг.

[2] Коммунистическая партия Непала (маоистская) (Communist Party of Nepal-Maoist, CPN-M) во время вооруженного конфликта в Непале в 1996-2006 гг.

[3] Тигры освобождения Тамил-Илама (Liberation Tigers of Tamil Ealam, LTTE) в период вооруженного конфликта в Шри-Ланке в 1983-2009 гг.

[4] Элементы преступлений. ICC-ASP/1/3. С. 161 // URL: http://www.un.org/ru/documents/rules/icc_elements.pdf.

[5] Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. A/CONF.183/9. // URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf

[6] См.: Хенкертс, Жан-Мари, и Досвальд-Бек, Луиза, при участии Алверман К., Дермана К. и Ролла Б.

Инструменты в области МППЧ оперируют понятиями «*компетентный суд*» или суд, «*созданный на основании закона*»[1].

Помимо этого, суды ОВГ не освобождаются от обязательств, связанных с соблюдением соответствующих процессуальных гарантий (гарантий надлежащей законной процедуры или гарантий справедливого судопроизводства). Однако не все суды ОВГ способны должным образом обеспечить соблюдение соответствующих процессуальных гарантий в силу объективных и субъективных причин.

Кроме того, само судебное преследование лиц подобными судами может идти вразрез с требованиями МППЧ, касающимися справедливого судебного разбирательства, права на средства правовой защиты и т. д. Как известно, согласно Преамбуле Дополнительного протокола II нормы МППЧ продолжают действовать, обеспечивая основную защиту, а именно: «*международные документы, касающиеся прав человека, предоставляют основную защиту человеческой личности*» (схожее положение содержится в ст. 72 Дополнительного протокола I).

Если речь идет о нарушениях норм МГП, которые не подпадают под категорию серьезных нарушений норм МГП, то меры дисциплинарного наказания, наложенные органами ОВГ могут быть совместимы с обязательствами сторон вооруженного конфликта по обеспечению соблюдения МГП и пресечению нарушений МГП. Однако в случаях серьезных нарушений МГП, с одной стороны, возникает обязанность преследования и наказания лиц, совершивших такое серьезное нарушение, «компетентным судом» («*надлежащим образом учрежденным судом*», «*судом, созданным на основании закона*»), а с дугой стороны, *компетентность судов* ОВГ вызывает сомнение.

Обычное международное гуманитарное право. Том 1. Нормы. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2006.

[1] См., например: Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.) (ст. 100) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml; Американская конвенция о правах человека (“Пакт Сан-Хосе”) (Принята в Сан-Хосе, Коста-Рика 22 ноября 1969 г.) (ст. 8(1)) / American Convention on Human Rights "Pact of San Jose, Costa Rica" (B-32) (Adopted in San Jose, Costa Rica on November 22, 1969) (art. 8(1)) // URL: http://www.oas.org/dil/treaties_B-32_American_Convention_on_Human_Rights.htm; Конвенция о правах ребенка (Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.) (ст. 40(2)(b)(iii)) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

Несмотря на всю юридическую сомнительность легитимности судов ОВГ, тем не менее, нельзя отрицать, что учреждение и осуществление деятельности судов ОВГ может вносить вклад в установление и поддержание общественного порядка, пресечение беззакония и практики безнаказанности на территориях, контролируемых ОВГ (в т.ч. террористическим группами). Это особенно актуально, если вооруженный конфликт длится годами и на территориях, контролируемых ОВГ, не действуют органы власти государства. А с другой стороны вопрос с легитимностью остается нерешенным, поскольку правопорядок государства не будет видеть и признавать правопорядка ОВГ (в т.ч. террористической группы), за исключением, возможно, отдельных актов по частным и семейным вопросам. В этом смысле возникает дилемма, обусловленная противоречием между *приверженностью к обязательствам* и *легитимностью*. Разрешение данной дилеммы пока остается туманным.

Суды государств, безусловно, больше соответствуют понятиям «*надлежащим образом учрежденный суд*» («*компетентный суд*», «*суд, созданный на основании закона*»). Кроме того, они в целом обладают способностью обеспечить соблюдение соответствующих процессуальных гарантий. По крайней мере, такая способность предполагается.

Вместе с тем, в условиях действующего НМВК суды государства не могут осуществлять деятельность на всей территории государства, а именно на территориях, контролируемых ОВГ.

Кроме того, они могут испытывать на себе соблазн к преимущественному наказанию членов ОВГ за нарушение МГП и в меньшей степени - к наказанию личного состава вооруженных сил, выступающих на стороне правительства государства за нарушения МГП.

Вместе с тем остается вопрос наказания членов ОВГ не только за нарушение МГП, но, прежде всего, за участие в вооруженном сопротивлении правительственным вооруженным силам и за террористическую деятельность. В этом смысле судебное преследование за нарушение МГП как средство обеспечения уважения и соблюдения МГП может остаться в «тени» борьбы с антиправительственным вооруженным сопротивлением и террористической деятельностью (террористическими актами). Данное обстоятельство может привести к тому, что судебное преследование за нарушение МГП как средство обеспечения уважения и соблюдения МГП, утратит значение и эффективность.

В постконфликтный период, думается, основное бремя может ложиться на суды государства, на чьей территории происходит вооруженный конфликт. Хотя возможно осуществление судебного преследования судами других государств (на основе универсальной юрисдикции) и международными судами (на основе международной юрисдикции).

Как уже было сказано, в постконфликтный период суды государства, возможно, будут осуществлять судебное преследование и наказания членов ОВГ не только за нарушение МГП. В этом смысле судебное преследование как средство обеспечения уважения и соблюдения МГП может утратить эффективность. Правда, в случае объявления государством амнистии в отношении членов ОВГ за один лишь факт участия в ОВГ (за исключением лиц, совершивших серьезные нарушения МГП и грубые нарушения МППЧ) согласно ст. 6 Дополнительного протокола II, суды государства могли бы наказывать лиц из состава ОВГ и вооруженных сил государства лишь за нарушения МГП, что могло бы иметь положительный эффект.

В постконфликтный период суды других государств на основе универсальной юрисдикции могут осуществлять судебное преследование и наказание лиц, совершивших нарушения МГП. Это может стать вкладом в обеспечение уважения и соблюдения МГП. Однако данные суды объективно не способны охватить все совершенные преступления.

В постконфликтный период международные судебные учреждения на основе международной юрисдикции также способны вносить свой вклад в обеспечение уважения и соблюдения МГП. Однако комплементарный характер юрисдикции и иные юрисдикционные сложности, ограниченные возможности, дороговизна и т.д. не позволяют таким судам брать на себя основную задачу по обеспечению уважения и соблюдения МГП в связи с вооруженными конфликтами с участием ОВГ (в т.ч. террористических групп). Вместе с тем нельзя не отметить значительный вклад, который вносят международные суды в осуществление ответственности за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, и развитие международного уголовного права в целом.

Автор выражает искреннюю признательность организаторам дискуссионных сессий «Контртерроризм: правовые проблемы и региональные подходы» — Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в Российской Федерации, Беларуси и Молдове и Центру международных и сравнительно-правовых исследований — за возможность принять участие в мероприятии и выступить с докладом.

Узейир Маммадов

Светлана Васильевна Нестерова, соискатель Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.
E-mail: svetulyatarasova@bk.ru

ВКЛЮЧЕННОСТЬ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В ФОРМАТ ПОДДЕРЖАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО РЕЖИМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПИСАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Взаимодействие государств-членов мирового сообщества характеризуется добросовестным выполнением целей и принципов Устава ООН по поддержанию международного мира и безопасности. Начиная с Парижского договора 1928 г. об отказе от обращения к войне в качестве орудия национальной политики, в международном праве действует международно-правовой запрет войны как средства разрешения споров между государствами. В миропорядке на основе верховенства права все споры между государствами призваны быть разрешены мирными средствами (Глава VI ООН). Устав ООН 1945 г., как известно, пошел еще дальше, запретив вообще угрозу силой или ее применение (п. 4 ст. 2 Устава ООН).

Наиболее интегральным концептуальным основанием для классификации войн стало количественно-масштабное основание, в соответствии с которым выделяются мировые, региональные, локальные и малые войны, а также военные конфликты различной масштабности. В настоящее время наиболее распространенный вид войн носит субрегиональный, локальный или местный внутригосударственный характер[1].

Позиционно, в соответствии с положениями Военного энциклопедического словаря[2], выделяются два вида конфликтов: военный и вооруженный.

Военный конфликт – это форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с двусторонним использованием военной силы и военного принуждения. Данное понятие, по мнению авторов, охватывает все виды вооруженного противоборства в социально-политических целях, включая мировые, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты. Они обоснованно утверждают, что в современном международном праве термин «война» и «военный конфликт» употребляются как синонимы.

Вооруженный конфликт, в параметрах своего концептуального восприятия, согласно постулатам Военного энциклопедического словаря, представляет собой вид вооруженного противоборства между государствами или социальными общностями внутри них в целях разрешения экономических, политических, национально-этнических и других противоречий посредствам ограниченного применения каждой из сторон военной силы. Особенностями вооруженного конфликта по сравнению с войной являются: ограниченность политических целей противоборствующих сторон по глубине и характеру; выдвижение на первый план в качестве причинных факторов не коренных, а более частных, ситуативных противоречий; количественные и качественные ограничения пределов применения военной силы; сравнительно небольшие территориальные масштабы противоборства; как правило, непродолжительный по времени или пульсирующий характер; перестройка в ходе конфликта жизнедеятельности не всего общества, а только вооруженных сил государства; применение либо лишь частичное применение международно-правовых мер, характерных для состояния войны.

[1] См.: Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 205-206.

[2] См.: Военный энциклопедический словарь/ В 2-х томах. Том I. Ред.кол.: А.П. Горкин, В.А. Золотарев, В.М. Карев и др. М.: БРЭ, 2001-2009. С. 748.

Вооруженный конфликт, как справедливо на этот счет отмечено, может перерастать в войну, а война, напротив, в результате деэскалации затухать до уровня конфликта. Кроме того, ограниченный для крупного государства вооруженный конфликт может восприниматься как война страной с малой территорией, населением, вооруженными силами[1].

Обязанность применения принципов и норм международного гуманитарного права (МГП) возникает с началом вооруженного конфликта, продолжается в течение всего времени состояния войны и прекращается с окончанием вооруженного конфликта. Само понятие вооруженного конфликта включает в себя все виды военных действий в любой форме. В полном соответствии с принципами самоопределения и суверенного равенства согласно ст. 1 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г., международными являются также вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации, против расистских режимов.

В вооруженном конфликте международного характера воюющие стороны представлены, прежде всего, своими вооруженными силами. В рамках постановлений Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., вооруженные силы воюющих сторон «состоят из всех организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных, даже если эта сторона представлена правительством или властью, не признанными противной стороной. Такие вооруженные силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая, среди прочего, обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов» (п. 1 ст. 43).

В режиме заложенного в принципах гуманизма[2] и универсального соблюдения прав человека позитива права, справедливости актуальной представляется пробле-

[1] См.: Военный энциклопедический словарь. М.: ЭКСМО, 2007. С. 455.

[2] См.: Батырь В.А. Международное гуманитарное право. Учебник. М., 2006. С. 7-91; Международное право. Учебник / Отв. ред. А.А. Ковалев, С.В. Черниченко. М., 2008. С. 778-817; Международное право. Учебник / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2009. С. 491-495; Международное право. Учебник / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М., 2009. С. 612-662; Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право. М., 2012. С.423-452.

ма сохранения и защиты человеческой жизни, жертв войны, насколько это возможно в экстремальных условиях вооруженного конфликта.

Право на жизнь является важным и неотъемлемым правом каждого человека. Однако, в том, что касается права на жизнь, то здесь существует расхождение между международным правом в области прав человека и международным правом вооруженных конфликтов. В международном праве в области прав человека в отношении права на жизнь не допускается никаких отступлений, и оно стоит на первом месте. В международном праве вооруженных конфликтов признается право комбатантов осуществлять вооруженное противостояние на взаимной основе. Соответствующую сопоставимость между этими противоречащими друг другу стандартами можно обнаружить в том, что в международном праве в области прав человека право на жизнь не является абсолютным, поскольку признается право (Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) 1995 г. ст.2.) применять силу смертельного действия, если она является необходимой:

а) для защиты любого лица от незаконного насилия;

б) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;

г) в случае действий, предусмотренных законом, для подавления бунта или мятежа.

В условиях реальной войны существует, предположительно, постоянно действующая опасность для субъектного состава комбатантов обеих сторон. Тем самым обозначается незаконность не только неизбирательных видов оружия и наземных мин, но и нападения с воздуха, и ракетных ударов, наносимых по войскам, которые непосредственно не участвуют в боевых действиях, и по комбатантам, которые являются ими лишь частично и в данный момент не выполняют своих обязанностей в качестве комбатантов. Все вместе взятое вполне обоснованно рассматривается как неприемлемое в формате должного толкования права вооруженных конфликтов[1].

В параметрах предметного анализа прав комбатантов, участвующих в вооруженных конфликтах, необходимо выделить основные из них: право не быть убитым или раненым с использованием вероломства во время боя; право на сохранение жизни, когда они сдаются или попадают в плен; право на нормальный уход в случае ранения или болезни, а также на то, что в случае взятия в плен с ними обращались как с военнопленными.

Под вероломством понимается осуществление враждебного акта под прикрытием права на защиту: 1) путем симуляции намерения вести переговоры под флагом перемирия; капитуляции; выхода из строя вследствие ранения или болезни; обладания статусом гражданского лица или некомбатанта; обладания статусом, предоставляющем защиту; 2) посредством использования международных отличительных эмблем, знаков и сигналов, форменной одежды военнослужащих и военных наблюдателей ООН, нейтральных государств или других государств, не являющихся участниками вооруженного конфликта.

Участники вооруженного конфликта, не отвечающие условиям предоставления защиты комбатантам, пользуются положением, закрепленном в документах ООН по правам человека, а также в ст. 3, общей для Женевских Конвенций о защите жертв войны 1949 г. Юридически, – это тот «правовой минимум», который современное международное право в параметрах универсального принципа прав человека обеспечивает в режиме общепризнанного правила должного поведения.

Уголовная ответственность отдельных лиц за нарушение норм международного гуманитарного права может быть реализована различными способами: в национальном суде государства, гражданином которого является правонарушитель

[1] См.: Международный журнал Красного Креста, 1999 / Сборник статей. М., 2001. С. 67.

(в тех случаях, когда уголовный закон предусматривает наказание за соответствующее правонарушение); в национальном суде государства, на территории которого или в отношении граждан которого было совершено преступление; в специальном Международном суде. Поэтому, если и создается специальный международный суд, речь идет о международной уголовной ответственности отдельных лиц за участие в совершении международных преступлений[1].

В настоящее время в основу института уголовной ответственности за нарушение норм МГП положены нормы международного права и нормы национального уголовного права. При этом следует иметь в виду, что законодательство Российской Федерации учитывает положения международного гуманитарного права в части установления ответственности за серьезные его нарушения.

В России как в правовом демократическом государстве на законотворческом уровне создан целостный по своему содержанию режим поддержания законности и правопорядка на всем пространственном протяжении Российского государства. Согласно Федеральному Закону Российской Федерации № 35 – ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» установлены правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом. При этом, Вооруженные Силы Российской Федерации могут применяться для участия в проведении контртеррористической операции, а также в пресечении международной террористической деятельности за пределами России. Террористическая деятельность, наряду с другими действиями, включает в себя организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, равно как участие в такой структуре, а также вербовку, вооружение, обучение и использование террористов. Действия Вооруженных Сил России при пресечении террористического акта либо осуществление иных мероприятий по борьбе с терроризмом, предписываемых или разрешенных законодательством Российской Федерации, являются правомерными.

В режиме объективного анализа состояния международного гуманитарного права (в части регулирования вооруженных конфликтов немеждународного характера) следует в однозначном порядке говорить о востребованности его дальнейшего прогрессивного развития в смысле институционно-правовой обустроенности с учетом требований XXI в. (Декларация тысячелетия 2000 г. и Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.). На данный момент международное гуманитарное право, применяемое в отношении внутренних вооруженных конфликтов, призвано в должном режиме обеспечивать весь корпус современных требований по соблюдению верховенства права Rule of Law. Удовлетворению подлежит в юридическом плане весь комплекс потребностей в защите, которые порождаются этими конфликтами, и, соответственно, обозначается востребованность его совершенствования по всем параметрам. Как отмечалось в ходе Дипломатических конференций по выработке Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительного протокола II (1977 г.) к ним, ст. 3, общая для Женевских конвенций и Дополнительного протокола II, представляет собой признанный стандарт должного поведения всех задействованных субъектов правоотношений. Государства-члены мирового сообщества – согласны с тем, что основные нормы обычного права, касающиеся ведения военных действий, применяются как к международным, так и к внутренним вооруженным конфликтам[2].

Для квалификации по суду конкретного деяния в качестве военного преступления, существует целый ряд факторов: было ли лицо, ответственное за нарушение, комбатантом; была ли жертва некомбатантом и принадлежала ли она к стороне

[1] См.: Батырь В.А. Международное гуманитарное право. М., 2011. С. 419.

[2] См.: Обычное международное гуманитарное право. Т.1. Нормы МККК. М., 2006. С. 18.

противника; можно ли предположить, что совершенное деяние способствовало достижению цели военной кампании; было ли преступление совершено в рамках исполнения должностных обязанностей обвиняемого[1]. Жертвы могут принадлежать к личному составу неприятельских вооруженных сил, быть гражданскими лицами, числящимися за противной стороной, или лицами, находящимися под защитой международного права, то есть лицами, которые непосредственно не участвуют или прекратили участвовать в военных действиях, а преступление может быть совершено в форме насилия против личности или с использованием запрещенных методов и средств ведения военных действий[2], по приказу начальника, либо по личному усмотрению конкретного фигуранта. В том, что касается последнего момента, а именно совершение преступления по приказу начальника, то здесь существует общее правило, предметно зафиксированное в решениях Нюрнбергского Международного военного трибунала и в последствии подтвержденное в постановлениях Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, а именно: ссылка на приказ не может служить в качестве оправдания совершения преступления[3].

Российское государство всегда последовательно применяло в жизнь правило недопустимости ссылки на приказ, как оправдание совершения конкретного преступления. Так, ст. 42 Уголовного кодекса Российской Федерации содержит норму о том, что уголовную ответственность за исполнение заведомо незаконного приказа, в результате чего совершено умышленное преступление, наряду с исполнителем-подчиненным несет командир (начальник), отдавший незаконный приказ.

Нормой обычного международного гуманитарного права, применяемой к приказам, которые отдаются во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов, является то, что каждый комбатант обязан не выполнять явно незаконный приказ. Данная норма международного гуманитарного права по факту ее институализации в качестве общего принципа права была введена в формат внутригосударственного правопорядка России в соответствии с положениями ст. 42 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исполнение приказа командира (начальника) не является обстоятельством, исключающим преступность деяния, если подчиненный знал, что исполняет заведомо незаконный приказ. Данное положение применимо независимо от вида вооруженного конфликта. Его институционно-правовая значимость делает предметным применение соответствующего юридического предписания и в рамках внутригосударственного правопорядка стран-членов мирового сообщества.

Так, в п. 2 ст. 86 Дополнительного протокола I (1977 г.) говорится, что «тот факт, что нарушение Конвенции или настоящего Протокола было совершено подчиненным лицом, не освобождает его начальника от уголовной или дисциплинарной ответственности в зависимости от случая, если они знали или имели в своем распоряжении информацию, которая должна была бы дать им возможность прийти к заключению в обстановке, существовавшей в то время, что такое подчиненное лицо совершает или намеревается совершить подобное нарушение, и если они не

[1] См.: ICTY, The Prosecutor v.Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vucovic, Case № IT-96-23 and IT-96-23/1A, Appeals Judgment, 12 June 2002. P. 59.

[2] См.: ICTY, The Prosecutor v. Miroslav Kvocra, Milojica Kos, MladoRadic, Zoran Zigid and Dragoljub Prac, Case № IT-98-30/1-T, Judgment, 2 November 2001. P. 124.

[3] См.: Международное уголовное право / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 90-97; Лобанов С.А. Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях. М. 1999. С. 7-71; Костенко Н.И. Международный уголовный суд. М., 2002., С. 17-35; Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право. М., 2012. С. 423-452; Международное право. Учебник / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М., 2009.С. 616-663; Международное право. Учебник / Ответ. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2009. С. 491-495; Международное право. Учебник / Ответ. ред. А.А. Ковалев, С.В. Черниченко. М., 2006. С. 788-813.

приняли всех практически возможных мер в пределах своих полномочий для предотвращения или пресечения этого нарушения».

Существенный вклад в дело прогрессивного развития юридических гарантий международного уголовного правосудия внес Римский статут Международного уголовного суда. И это обстоятельство вполне обоснованно констатируется всеми учеными юристами-международниками[1]. По обстоятельствам его вступления в силу, заложенный в нем позитив международного права стал частью международной нормативной системы. Позиционная значимость документа показывает себя в следующих предписаниях международного уголовного судопроизводства.

Так, в соответствии со ст. 31 Римского статута лицо не несет уголовной ответственности, если в момент совершения им деяния: a) это лицо страдает психическим заболеванием или расстройством, которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или сообразовывать свои действия с требованиями закона; b) лицо находится в состоянии интоксикации, которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или сообразовывать свои действия с требованиями закона, если только это лицо не подверглось добровольно интоксикации при таких обстоятельствах, при которых это лицо знало, что в результате интоксикации им может быть совершено деяние, представляющее собой преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, либо проигнорировало опасность совершения им такого деяния; c) данное лицо действовало разумно для защиты себя или другого лица или, в случае военных преступлений, имущества, которое является особо важным для выживания данного лица или другого лица, либо имущества, которое является особо важным для выполнения задачи военного характера, от неизбежного и противоправного применения силы способом, соразмерным степени опасности, угрожающей этому лицу или другому защищаемому лицу или имуществу. То обстоятельство, что лицо участвовало в операции по защите, проводившейся силами, само по себе не является основанием для освобождения от уголовной ответственности; d) деяние, которое предположительно представляет собой преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, является вынужденной ответной реакцией на угрозу смерти, неминуемого причинения тяжких телесных повреждений для него самого или для другого лица, и это лицо принимает необходимые и разумные меры для устранения угрозы, при условии, что это лицо не намерено причинить больший вред, чем тот, который оно стремилось предотвратить. При этом такая угроза может либо исходить от других лиц; либо быть создана другими обстоятельствами, не зависящими от этого лица.

Иными словами, существуют положения о легальном освобождении от международной уголовной ответственности за совершение международных преступлений по таким основаниям, как необходимая оборона, крайняя необходимость, невменяемость[2]. Здесь заложен общий принцип права: акт, совершенный субъектом права по обстоятельствам отсутствия его свободного волеизъявления, признается юридически недействительным. Соответственно, и противоправный акт, осущест-

[1] См.: Костенко Н.И. Международный уголовный суд. М., 2002. С. 5-17; Международное уголовное право / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 8-50; Международное уголовное правосудие. М., 2009. С. 31-47; Международное право. Учебник / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2009. С. 491-495; Международное право. Учебник / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М., 2009. С. 615-654; Международное право. Учебник / Отв. ред. А.А. Ковалев, С.В. Черниченко. М., 2008. С. 778-804; Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право. М., 2012. С. 423-452; Батырь В.А. Международное гуманитарное право. М., 2011. С. 56-64.

[2] См.: Международный уголовный суд: Проблемы, дискуссии, поиск решений / Под редакцией ред. Г.А. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008. С. 163-247; Лобанов С.А. Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях. М. 1999. С. 71-132; Костенко Н.И. Международный уголовный суд. М., 2002. С. 127-145.

вленный под влиянием принуждения, обозначается в формате юридической беспредметности.

В Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. закреплены основания для осуществления принципа универсальной ответственности. В своем предметном проявлении ст. 49, 50, 129, 146 четырех Женевских конвенций устанавливают положение о том, что государства обязаны разыскивать лиц, которые подозреваются в совершении или отдаче приказа совершить то или иное серьезное нарушение норм международного гуманитарного права, и предавать их своему суду, либо выдавать их для предъявления суду другому государству-участнику конвенции независимо от их гражданской принадлежности.

Перед Международным уголовным судом (МУС) стоит задача преследовать лиц, совершивших, в частности, преступления геноцида, преступления против человечности и военные преступления. Как указывается в Римском статуте, МУС «дополняет национальные системы уголовного правосудия» и может осуществлять свою юрисдикцию только в том случае, если национальные суды не желают или не способны вести расследование либо возбудить уголовное преследование должным образом. Он является, таким образом, «судом последней инстанции», поскольку не снимает с государств ответственности самим подвергать уголовному преследованию лиц, подозреваемых в совершении преступлений[1].

Решение учредить Международный уголовный суд призвано быть стимулирующим фактором в деле отправления международного правосудия: создание этого органа не означает, что государства могут отказаться от своего обязательства карать за совершение военных преступлений. Но, помимо приведения национальных законов в соответствие с международным правом, следует находить практические способы решения проблемы обеспечения международной законности и правопорядка во взаимодействии государств-членов мирового сообщества и Международного уголовного суда[2].

Таким образом, если какое-либо лицо подозревается в серьезных нарушениях, то где бы ни были совершены эти преступления, каково бы ни было его гражданство, государства – участники как Женевских конвенций, так и Дополнительного протокола I обязаны преследовать в судебном порядке или выдать это лицо. Соответственно, это подразумевает, что никакая амнистия по отношению к лицу, обвиняемому в серьезных нарушениях международного гуманитарного права, обычно не может иметь силы в государстве, объявившим амнистию, не может она и быть признана в других государствах[3]. При обстоятельствах вынесения такого акта государством-членом мирового сообщества он становится (с учетом примата международного права) юридически недействительным актом с самого начала (ab initio)[4].

Женевские конвенции 1949 г. запрещают государствам снимать обоюдную ответственность с государств за серьезные нарушения Женевских конвенций. Кроме того, взяв на себя обязательства карать такие серьезные нарушения, государства не могут объявить амнистию этих преступлений, сославшись на внутреннее законодательство, или в рамках подписания мирного соглашения. Государства-члены мирового сообщества в рамках своих обязательств по Уставу ООН не могут отказаться от своих международных обязательств ссылкой на свое внутреннее законодательство.

---

[1] См.: Международный журнал Красного Креста. Дискуссия по гуманитарным вопросам: право, политика, деятельность / Международные уголовные трибуналы. МККК. М., 2006. С. 7.

[2] См.: Международное уголовное право / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 22-36; Костенко Н.И. Международный уголовный суд. М., 2002. С.15-16; Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в законодательстве Российской Федерации. М. 2000. С. 7-91.

[3] См.: Международный журнал Красного Креста / Сборник статей. МККК. М., 2004. С. 310.

[4] См.: Каламкарян Р.А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. М., 1984.

Государства обязаны обеспечить уголовное наказание за военные преступления, совершенные в период вооруженного конфликта, независимо от того, кто их совершил. Отметим, что такие преступления не имеют срока давности. На этот счет имеется специальный документ – Конвенция 1968 г. об отсутствии срока давности за военные преступления.

Применительно к ответственности физических лиц за нарушение международного гуманитарного права в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. все предусмотренные в Римском статуте международные преступления разделены на четыре группы: 1) военные преступления; 2) преступления против человечности; 3) геноцид; 4) агрессия (п. 1 ст. 5).

Согласно ст. 2 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. «под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

– убийство членов этой группы;

– причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

– предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

– меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

– насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую» (ст. 357 УК РФ).

Выявление юридической составляющей международного преступления «геноцид» делает востребованным переход к теоретическому определению юридической сущности международного преступления в формате «агрессия» – другого преступного деяния, подпадающего под юрисдикцию Международного уголовного суда.

При обстоятельствах, когда агрессия – это, прежде всего, применение военной силы в нарушение Устава ООН, вполне обоснованным представляется концептуальное мнение ученых по линии недопустимости расширительного толкования понятия «агрессия» за счет включения сюда мер экономического или финансового принуждения (давления)[1]. Меры такого порядка не могут быть с юридической точки зрения квалифицированы в качестве акта агрессии, дающего правомочие подвергнувшемуся агрессии государству осуществить акт самообороны в соответствии со ст. 51 Устава ООН.

Нормообразующее значение в плане становления концептуального видения понятия «агрессия» внесло постановление Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г. в форме резолюции под специальным обозначением «определение агрессии».

В соответствии с документом к актам агрессии относятся:

1) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она не носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия территории другого государства или части ее с применением силы;

2) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

3) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;

4) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;

[1] См.: Международное уголовное правосудие. Современные проблемы / Отв. ред. Г.И. Богуш, Е.Н. Трикоз. М., 2009. С. 139-157; Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008. С. 164-187; Международное уголовное право / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 126-128.

5) применение вооруженных сил одного государства, находящегося на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;

6) действия государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалось этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

7) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительного участия в них.

Соблюдение и обеспечение соблюдения международного гуманитарного права предусматривает последовательное функционирование процесса взаимодействия государств-членов мирового сообщества и Международного уголовного суда по линии неотвратимости наказания. Гарантированная со стороны мирового сообщества неотвратимость наказания в принципе ориентирована на предотвращение и, соответственно, на пресечение совершения наиболее серьезных нарушений международного гуманитарного права. В обозначенном аспекте вполне обоснованным представляется высказанная на академическом уровне мысль о востребованности распространения на универсальном уровне теоретических и практических постулатов должного поведения по линии международного гуманитарного права. Заключение на этот счет было сделано как в формате международных научных конференций (форумов)[1], так и в прикладном плане в академических трудах ученых[2].

В режиме принципа добросовестности[3] bona fide параметры должного поведения в сфере международного гуманитарного права определяют себя следующим образом:

1. Лица из состава вооруженных сил не только призваны быть ознакомлены с международным гуманитарным правом, но и обязаны усвоить его нормы для того, чтобы добросовестно соблюдать их в боевых действиях.

2. Лица, виновные в нарушении международного гуманитарного права, подвергаются наказанию.

3. Уважение международного гуманитарного права призвано быть составной частью воинской дисциплины, а дисциплина – основа должного поведения членов вооруженных сил.

Действующее законодательство Российской Федерации обязывает личный состав Вооруженных Сил России соблюдать принципы и нормы международного гуманитарного права. В частности, Федеральный закон Российской Федерации № 76-ФЗ от 27 мая 1998 г. «О статусе военнослужащих», в ст. 26 предписывает востребованность «соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации». Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденный Указом Президента Российской Федерации № 1495 от 10 ноября 2007 г., п. 22 гласит, что «Военнослужащий обязан знать и соблюдать нормы международного гуманитарного права, правила обращения с ранеными, больными, лицами, потерпевшими кора-

[1] См.: Симпозиум по вопросам гуманитарной деятельности и осуществления операций по поддержанию мира / Под ред. У. Палванкара. МККА. М., 1995. С. 64-65.

[2] См.: Международное уголовное право / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 8-50; Международное уголовное правосудие. Современные проблемы / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2009. С. 15-31; Международное право. Учебник / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2009. С. 491-495; Международное право. Учебник / Отв. ред. А.А. Ковалев, С.В. Черниченко. М., 2008. С. 778-782; Международное право. Учебник / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М., 2009. С. 617-624; Батырь В.А. Указ. соч., С. 7-91; Костенко Н.И. Указ. соч., С. 5-17; Лобанов С.А. Указ. соч. С. 7-71.

[3] См.: Каламкарян Р.А. Принцип добросовестности в современном международном праве. М., 1990.

блекрушение, медицинским персоналом, духовными лицами, гражданским населением в районе боевых действий, а также с военнопленными». В Наставлении по правовой работе в Вооруженных Силах, утвержденном Приказом министра обороны Российской Федерации № 10 от 31 января 2001 г. в п. 565 говорится, что «нормы международного гуманитарного права изучаются как в мирное, так и в военное время в ходе обучения и воспитания военнослужащих. Положения об изучении норм международного гуманитарного права излагаются в программах боевой (командирской) подготовки». В настоящий момент действует Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденное министром обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г.[1] Данное Наставление разработано в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, а также с учетом международных договоров, в целях изучения и соблюдения командирами, штабами тактического звена, а также всеми военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации норм международного гуманитарного права при подготовке и в ходе ведения боевых действий. В нем в краткой форме изложены нормы международного гуманитарного права.

В ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплено положение о том, что Уголовный кодекс Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права.

Показательная значимость постановлений Уголовного кодекса Российской Федерации в плане обеспечения применимости и выполняемости норм международного гуманитарного права обозначена в гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества», где устанавливается соответствующая уголовная ответственность за различные виды преступлений.

Преступления можно разделить на три группы:

1) Преступления против международного мира (ст.ст. 353, 354 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации).

2) Преступления против безопасности человечества (ст.ст. 355, 357, 358 Уголовного кодекса Российской Федерации).

3) Военные преступления (ст.ст. 356 и 359 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Практическая реализация постановлений Уголовного кодекса России в плане обеспечения применения и выполняемости норм МГП осуществляется в формате подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации по линии национальной и юридической безопасности. Национальная безопасность здесь понимается в плане защиты государственного суверенитета и территориальной целостности России как великой державы, постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Юридическая безопасность России включает в себя меры по соблюдению совокупности субъективных прав и законных интересов страны в качестве государственного суверена в масштабе мирового сообщества.

Включенность Организации Объединенных Наций в миротворческие операции в порядке выполнения целей Устава и практическое участие России как великой державы, постоянного члена Совета Безопасности в их реальном осуществлении делают востребованным подготовку личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации по линии правильного руководствования нормами международного гуманитарного права как в период боевых действий, так и по поддержанию миропорядка в целом. Таким образом, военнослужащие призваны знать, соблюдать и уважать нормы международного гуманитарного права и право, регулирующее ведение боевых действий.

[1] См.: Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил РФ. М., 2002.

Преступления по линии международного гуманитарного права представляют собой реальное посягательство на современный правопорядок и всю международную нормативную систему в ее универсальном, целостном значении.

При обстоятельствах заявленной Российской Федерацией приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) весь позитив правоприменительной практики Российского государства обозначает себя в формате обеспечения равной юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) всех государств мирового сообщества. В основе такого понимания лежит юридически правильное понимание значимости принципа суверенного равенства государств (п. 1 ст. 2 Устава ООН) как основы поступательного развития современного миропорядка. Соответственно, постановочно неприемлемым с точки зрения современного международного права представляется политика санкций, применяемая США и Европейским союзом по отношению к Российской Федерации как великой державе, постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. По факту своего противоречия принципу суверенного равенства государств политика санкций и в более широком аспекте политика конфронтации позиционно нарушает целостность всей системы современного международного права, какой она реально проявляет себя в параметрах современного миропорядка[1].

Концептуально верным представляется вывод о конечной бесперспективности с юридической точки зрения политики санкций, равно как и всей политики конфронтации. В конечном итоге весь позитив современного международного права логично и объективно ниспровергнет как саму политику санкций, так и весь режим конфронтации применительно к отдельным членам мирового сообщества.

Международный правопорядок, равно как и внутренний правопорядок не допускает, исключает любые нарушения права, злоупотребление правом (abuse of rights, l'abus de droit). В этом аспекте недопустимость нарушения международного гуманитарного права или недобросовестное соблюдение не приемлемы и по сути, и по праву. Последовательный внешнеполитический курс Российского государства по обеспечению добросовестного соблюдения всеми государствами-членами ООН своих международных обязательств содействует (во взаимодействии с мировым сообществом в целом) поддержанию международной законности и правопорядка.

Светлана Нестерова

[1] См.: Военное искусство основных зарубежных государств и опыт применения их Вооруженных Сил в современных военных конфликтах. Учебное пособие. М.: ВАГШ ВС РФ. 2014. 178 с.

Прилепский Валерий Юрьевич, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Военного университета, кандидат политических наук, доцент.

E-mail: ghbktgcrfz.66@mail.ru

Семенов Александр Алексеевич, младший научный сотрудник отделения военно-технической информации Военного университета.

E-mail: 8-903-577-64-54@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В последние годы в мире *возникает новая среда безопасности*, в которой *меняется характер военно-политического и вооруженного противоборства*, при котором, во-первых, растет значение инструментов «жесткой» силы и количество военных конфликтов; во-вторых, центр собственно военных действий с традиционных театров войны на суше и на море смещается в воздушно-космическую и информационную сферы, а в военной практике применяются и внедряются положения концепции сетецентрической войны, глобально-интегрированных операций; в-третьих, широкое распространение получили инструменты «мягкой» силы, а также деструктивные социальные технологии (стратегии управляемого хаоса, непрямых и асимметричных действий), находящиеся на стыке «жесткой» и «мягкой» силы. Они показали свою высокую эффективность и позволяют владеющим ими странам в условиях глобализации и информационной открытости государств без открытого военного вмешательства достигать политических результатов воздействия, зачастую сопоставимых с итогами войн. Важнейшими инструментами современного глобального противоборства являются: «Фактически государственный терроризм, повстанческая деятельность, «цветные революции», провоцирование экономических кризисов и др. <...> Существенным элементом повышения эффективности противоборства нового типа является стратегическое информационное противоборство, используемое для управления поведением противостоящей стороны»[1].

В специальной литературе новый тип соперничества получил название «четвертое поколение противоборства» (4GW), характерными чертами которого являются:

- комплексность и большая продолжительность;
- ведение активной террористической деятельности;
- участие негосударственных и транснациональных «акторов» при высоком уровне децентрализации их действий;
- действия, направленные на идеологическую, культурную и т. п. среды противостоящей стороны;
- высокий уровень вовлеченности информационно-психологических сил и средств противоборства, особенно через масс-медиа;
- использование всех имеющихся ресурсов: политических, экономических, социальных, военных и т. п.;
- преобладание конфликтов так называемой низкой интенсивности с вовлечением в них различных сетей акторов;
- наличие большого количества некомбатантов;
- слабость иерархии и проблемы управления;

[1] Гриняев С.Н., Арзуманян Р.В., Карп Е.И. Военное противоборство в современных условиях: новейший опыт, оценки, тенденции / Под общ. ред. А.Б. Михайловского. М.: АНО ЦСОиП, 2014. С. 44.

• широкое использование повстанческих методов противоборства[1].

В российском экспертном сообществе не прекращаются дискуссии о сущности современной войны и об изменении ее характера в будущем. Сталкиваются два подхода: условно «классический», сторонники которого вслед за К. Клаузевицем считают, что война – это продолжение политики насильственными методами, специально созданными для этого институтами государства, и «неклассический», апологеты которого вслед за тем же Клаузевицем считают, что война – это навязывание своей воли противнику, а физическое вооруженное насилие всего лишь частный случай среди экономического, психологического, информационного, культурного и других типов насилия. При этом понятие «война» распространяется на широкий круг явлений.

С нашей точки зрения, «классическое» определение войны как одной из форм разрешения противоречий между различными социальными субъектами с помощью военного насилия, сущностным и определяющим признаком которой является вооруженная борьба, не потеряло своего ни теоретического (объяснительного), ни прикладного значения. Все государства (и шире – все субъекты) имеют свои, нередко отличающиеся от других интересы, которые они ежедневно отстаивают в процессе противоборства. Именно *противоборство* и есть тот процесс, и тот термин, который, по нашему мнению, адекватно описывает столкновение интересов субъектов в экономической, финансовой, политической, информационной, военной и других сферах, до того момента, пока не будет применено военное насилие в форме вооруженной борьбы. Важно, что противоборство во всех сферах может существовать и *до* войны, и *во время* войны. Однако есть некоторое различие. Например, в «экономической войне» *до* и *после* начала боевых действий. «До» – это ограничения, санкции, запреты, эмбарго и пр. «После» – возможное огневое поражение объектов экономической инфраструктуры, потопление транспортных кораблей и т. п.

Противоборство существует как в мирное время, так и с началом боевых действий. Последнее, собственно, и характеризует войну не только как цепь битв и сражений, но и как многосоставное сложное социальное явление. Еще раз повторим, с нашей точки зрения, говорить о войне можно только после начала применения военного насилия в форме вооруженной борьбы, т. е. когда «ползунок» уровня конфликтности находится «выше» линии «начало вооруженной борьбы» *только в военной сфере*.

Споры вокруг «классических» и «неклассических» войн носят достаточно схоластический характер. Ведь, как правило, перечисляется ряд неотрицаемых обеими сторонами дискуссии явлений и процессов, несущих угрозу национальной безопасности. Одни говорят, что это война, другие – нет, это еще не война. В любом случае, органы государственного и военного управления, все общество, должны принимать соответствующие меры, чтобы не допустить негативного развития событий (будь то военное поражение или крах государства в «мирном» противоборстве).

Одним из самых обсуждаемых и неоднозначных конструктов последнего времени является неологизм «гибридная война» или, если быть более точным в переводе, – «гибридная организация боевых действий». В научном сообществе России в последнее время данная тема активно дискутируется. В Военном университете Министерства обороны Российской Федерации было проведено два межвузовских «круглых стола» («Гибридные войны XXI века» и «Гибридные войны в геополитических процессах XXI века»), аналогичные мероприятия провели Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова («Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века»), Финансовый университет при Правительстве РФ,

[1] Там же.

другие учебные заведения. Научная полемика ведется на страницах газет и журналов. За время обсуждения концепт «гибридная война» прошел путь от полного отрицания («модное словечко», «пропагандистский штамп» и т. п.) до «что-то в этом есть» и серьезного обсуждения на научных форумах. Сегодня можно констатировать, несмотря на некоторую семантическую неточность термина «гибридная война», на уровне феномена данное явление присутствует и обладает рядом отличительных свойств.

Под гибридными военными действиями западные военные теоретики подразумевают необъявленные тайные военные операции, в ходе которых сторона-инициатор атакует государственные структуры или регулярную армию противника с помощью местных вооруженных формирований («мятежников», «сепаратистов», «повстанцев», «борцов за свободу» или «борцов против кровавого режима»), скрытно поддерживаемых людскими («добровольцами», «отпускниками», «братьями по вере» и пр.), политико-дипломатическими, информационными ресурсами, оружием и финансами государства-субъекта гибридных действий и его союзников при опоре на некоторые оппозиционные правящему режиму социальные группы и организации государства-мишени (олигархи, организованная преступность, националистические, религиозные организации и движения). То есть, гибридные боевые действия сочетают в себе скрытные действия военного характера с дозированными политическими, экономическими, информационно-пропагандистскими мерами. Военная составляющая «гибридных войн» преимущественно реализуется силами специального назначения, ограниченными воинскими контингентами и/или иррегулярными, «квазигосударственными» или частными вооруженными формированиями.

В вопросе о «гибридности» войн в научном обиходе существует некоторое смешение понятий. Ученые «классической школы» указывают на то обстоятельство, что все войны всегда носят комплексный многосферный характер и не сводятся лишь к вооруженному противостоянию. Поэтому применение к войнам прилагательного «гибридный» с их точки зрения является общим местом, удвоением сущности, наукообразностью.

Говоря о «гибридном» способе организации боевых действий, его разработчики и апологеты все же имеют в виду несколько иное, чем комплексность классического военного насилия в форме вооруженной борьбы. Прежде всего, указывается на смещение в привлекаемых в вооруженном конфликте силах центра тяжести от регулярной к иррегулярной компоненте. Возвращаясь к спору сторонников «классического» и «неклассического» взгляда на войну, можно согласиться, что партизаны (как иррегулярные формирования) участвовали и в Отечественной войне 1812 г., и в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Однако их действия носили вспомогательный характер поддержки действий основных сил регулярной армии. Иными словами, Великую Отечественную войну можно было бы назвать «гибридной войной» в ее современном понимании, если бы немецко-фашистские войска были разгромлены партизанскими отрядами, капитуляцию Германии принял бы С. Ковпак, а основные силы РККА маневрировали где-то неподалеку, иногда помогая партизанам батальонными тактическими группами и ударами артиллерии. Именно в скрытном применении военной силы с большей или меньшей опорой на иррегулярную компоненту и представляется нам специфика содержательной стороны концепта «гибридная война».

Эта специфика определяет ряд существенных признаков гибридной организации ведения боевых действий[1]. Во-первых, происходит *гибридизация субъекта ведения войны* через привлечение нерегулярных формирований и шире – негосу-

1 Чихарев И.А., Полулях Д.С. «Гибридная война»: реконструкция против деконструкции // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века: коллективная монография / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. С. 100-102.

дарственных участников. Подобная гибридизация субъекта вплоть до его полного размывания и обезличенности ведет к тому, что столкновение носит более жестокий, затяжной, тотальный характер. Во-вторых, происходит *смешение различных военных средств ведения войны* вплоть до применения оружия массового поражения (ОМП), а также *военного инструментария с невоенным*. Здесь особо надо отметить увеличение значения информационного обеспечения военных действий, его медиатизацию и театрализацию (вспомним профессионально сделанные ролики ДАИШ/ИГИЛ о казнях на сцене древнеримского театра в Пальмире или на берегу моря).

При сохранении инвариантной сущности войны, с развитием общества и научно-техническим прогрессом в нем, закономерно происходит изменение целей, средств и методов современной войны. Основными целями войны нового типа являются не столько военный разгром армии противника, а решение политических задач, подавление воли населения страны и его элиты к сопротивлению, экономический коллапс, гуманитарная и военная катастрофа государства через согласованные и скоординированные из единого центра действия различных внешних и внутренних групп, реально или мнимо заинтересованных в дезинтеграции социума и получение от процесса распада экономических, финансовых, политических, информационных, демографических, психологических дивидендов. Отсюда вытекает и совершенно естественное изменение соотношения собственно военных и невоенных компонентов войны в пользу возрастания значимости последних. Что же касается средств и методов войны, то они, главным образом, определяются военной техникой и системами вооружений, созданными в ходе научно-технического прогресса.

Есть ли «противоядие» против смертельного для слабых государств коктейля из «цветных революций» и «гибридных войн»?

Несомненно. И то и другое представляет собой всего лишь технологию (совокупность и последовательность определенных операций, дающих необходимый заказчику результат). «Гибридные войны» – технология вооруженной борьбы в условиях неприемлемости для государства в силу различных обстоятельств открытой военной агрессии. «Цветные революции» – технология организации политического переворота под прикрытием народного бунта. Внесение извне в их «технологическую карту» достаточно сильных изменений приведет к недостижению целевой установки и «срыву программы», что показали события в Белоруссии и Киргизии. Более того, события на Украине в 2014 г. показали новые «окна уязвимости» технологии «цветной революции» и *возможность «перехвата» управления процессом смены политического режима* в процессе ее реализации. Данная тема требует отдельного углубленного исследования. Здесь же заметим, что технология «цветной революции» на определенном этапе требует дезорганизации деятельности и блокирования активности силовых структур государства-«мишени», которые, как правило, являются его опорой и стабилизирующим фактором. Именно в этот момент при наличии определенных условий появляется возможность реализации сценария «своей игры» для «третьей силы».

Вышеперечисленные обстоятельства генерируют новые требования к структурному, содержательному и функциональному наполнению военной организации России как основному институту обеспечения военной безопасности страны, необходимости ее тесной координации с системами обеспечения государственной и общественной безопасности, включения в ее состав негосударственных элементов на принципах государственно-частного партнерства.

1. Гриняев С.Н., Арзуманян Р.В., Карп Е.И. Военное противоборство в современных условиях: новейший опыт, оценки, тенденции / под общ. ред. А.Б. Михайловского. М.: АНО ЦСОиП, 2014. 136 с.

2. Манойло А.В. Технологии «цветных революций» в современных проявлениях «гибридных войн» // Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века: коллективная монография / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: МГУ, 2015. С. 259-271.

3. Рожин Б. Пятая колонна в России [Электронный ресурс] // Православный воин: [сайт]. URL: http://pravoslav-voin.info/publikacii/1162-pyataya-kolonna-v-rossii-boris-rozhin.html (дата обращения: 12.04.2017).

4. Чихарев И.А., Полулях Д.С. «Гибридная война»: реконструкция против деконструкции // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века: коллективная монография / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. С. 89-104.

Александр Шарифович Салихов, доцент кафедры информационного обеспечения Военного университета Министерства обороны России, кандидат исторических наук.

E-mail: dsh_89@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В конце XX в. и в начале XXI в. армия и силовые структуры России прошли испытание чередой локальных войн, вооруженных конфликтов. Вместе с ними проверку на состоятельность прошли органы информационного обеспечения. Наиболее специфический набор задач военные информационные службы, армейские средства массовой информации (СМИ) решали в ходе выполнения миротворческих операций в Абхазии, Бывшей Югославии, Приднестровье, Южной Осетии, Таджикистане.

Особенности их деятельности можно исследовать на примере информационного обеспечения Коллективных миротворческих сил в Республике Таджикистан. Они стали первым опытом использования Коллективных миротворческих сил СНГ как временного коалиционного воинского формирования, создаваемого на период проведения операций по установлению и поддержанию мира, урегулированию конфликтов на территории государств-участников СНГ.

22 января 1993 г. в Минске было принято заявление глав государств – участников СНГ в связи с общественно-политической обстановкой в Таджикистане. В нем была поддержана просьба правительства Таджикистана о вводе в республику Коллективных миротворческих сил (КМС). Непосредственно же правовой основой создания КМС и ввода их на территорию Республики Таджикистан (РТ) послужило решение Совета глав государств – участников СНГ о формировании Коллективных миротворческих сил и начале их функционирования от 24 сентября 1993 г.

Одновременно с решением о формировании Коллективных миротворческих сил главами государств – участников СНГ было принято Соглашение о Коллективных миротворческих силах и совместных мерах по их материально-техническому обеспечению. Началом операции по поддержанию мира в Таджикистане считается 15 октября 1993 г., когда на территорию республики были введены Коллективные миротворческие силы (КМС) Содружества Независимых Государств, в соответствии с Соглашением Совета глав государств участников СНГ «О коллективных миротворческих силах в Республике Таджикистан»[1]. В их состав вошли части и подразделения вооруженных сил Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан.

Благодаря усилиям миротворцев обстановка в Республике Таджикистан стабилизировалась. Свой вклад в налаживание межтаджикского диалога, снижение напряженности внесли органы информационного обеспечения Коллективных миротворческих сил. Их формирование началось одновременно с созданием КМС.

В систему органов информационного обеспечения КМС в разное время входили: пресс-служба оперативного командования КМС (с 1998 г. – помощник командира по связям с общественностью и СМИ 201-й мотострелковой дивизии (МСД)); газета 201-й МСД «Солдат России»; телерадиоцентр 201-й МСД «ТВ-201»; телерадиоцентр 92-го мотострелкового полка (МСП); телерадиоцентр 149-го гв. МСП; приемный центр канала «Военный вестник» (ОТИК); фотостудия 201-й МСД (нештатная).

Руководство информационным обеспечением в подразделениях миротворческих сил осуществлялось штабом оперативного командования КМС только в рамках миротворческой операции. В повседневной жизнедеятельности руководство осуществлялось управлением 201-й мотострелковой дивизии.

Начальник пресс-службы оперативного командования КМС назначался на полгода на ротационной основе, как правило, из числа офицеров пресс-службы и редакции газеты Приволжского военного округа.

Задачами информационного обеспечения были: разъяснение личному составу КМС легитимности выполнения задачи в соответствии с решением Совета глав государств и мандатом в указанных зонах ответственности; информационное сопровождение наблюдения за выполнением условий перемирий и соглашений о прекращении огня, действий при разъединении противоборствующих сторон, при создании демилитаризованных зон, зон разъединения, гуманитарных коридоров; создание условий для переговоров и других мероприятий по мирному урегулированию конфликта, восстановлению законности и правопорядка; освещение в СМИ установленных фактов нарушения соглашений о прекращении огня и перемирии; информационное содействие обеспечению прав и свобод человека, оказания гуманитарной помощи гражданскому населению и т.д.

Освещение выполнения этих задач производилось в тесном взаимодействии с корпунктами российских СМИ, аккредитованных в Республике Таджикистан (ИТАР-ТАСС; ОРТ; РТР; «Интерфакс»); пресс-службой Группы пограничных войск РФ в Республике Таджикистан; газетой Группы пограничных войск РФ в РТ «Боевой дозор»; информационным агентством ТИА «Ховар» РТ; пресс-службами МО, МВД, КНБ, Президентской гвардии РТ; газетой МО РТ «Сарбаз»; Домом Радио РТ; печатными СМИ РТ; структурами по связям с общественностью и СМИ Миссии наблюдателей ООН; корпунктами иностранных СМИ.

Деятельность органов информационного обеспечения была направлена на установление доброжелательных отношений со средствами массовой информации (в том числе и зарубежными) в целях поддержания положительной направленно-

[1] О коллективных миротворческих силах в Республике Таджикистан: соглашение Совета глав государств участников СНГ от 24.09.1993 г. // Архив ШКВС СНГ. 1995. Д. 3. Л. 28-32.

сти общественного мнения, сообщений и публикаций по проблемам группировки, а также с общественными организациями, заинтересованными во взаимодействии с различными (в т.ч. информационными) структурами КМС.

Органы информационного обеспечения реализовывали большинство задач важнейшего направления – взаимодействия со СМИ и другими организациями, находящимися в местах дислокации подразделений КМС. Они осуществляли четкую и эффективную коммуникационную связь между своим командованием, СМИ и общественностью региона, направленную на достижение максимального эффекта в интересах КМС.

Основными принципами деятельности органов информационного обеспечения являлись: достоверность предоставляемой информации, оперативность, непрерывность процесса взаимодействия с общественностью и СМИ; научность, основанная на изучении и анализе публикаций, сообщений СМИ, общественного мнения и ситуации, возникающей вокруг и внутри КМС; позитивный и конструктивный подход в решении вопросов и проблем, возникающих у представителей масс-медиа.

Одним из основных направлений деятельности органов информационного обеспечения КМС явилось обеспечение работы представителей иностранных и отечественных СМИ во время повседневной деятельности КМС.

При необходимости довести до журналистов вопросы по жизнедеятельности КМС, органы информационного обеспечения по согласованию с командующим КМС организовывали и проводили пресс-конференции или брифинги, на которых командование разъясняло свою позицию по определенному вопросу или отвечало на интересующие журналистов вопросы.

Другим основным направлением деятельности органов информационного обеспечения являлось обеспечение работы иностранных и отечественных СМИ во время мероприятий, связанных с боевой подготовкой войск, а также при проведении военно-профессиональных праздников и юбилеев частей, входящих в КМС.

Еженедельно готовился доклад командующему КМС, в котором излагались результаты проведенных мероприятий, количество и проблематика подготовленных материалов для опубликования в СМИ, а также уточненный план работы на сле-

дующую неделю, порядок и тематика выступлений представителей командования в СМИ.

Ежемесячно готовился доклад командующему КМС по информационной ситуации в районе дислокации подразделений КМС. В нем давался анализ опубликованных в местных СМИ материалов по проблемам КМС и предложения по улучшению информационной ситуации в регионе.

Успешное решение задач миротворческими силами во многом зависело от морально-психологического состояния личного состава. Несмотря на сложную обстановку, офицерам пресс-службы и подчиненных структур удалось наладить необходимые контакты с представителями конфликтующих сторон, собрать и обобщить данные о морально-психологическом состоянии населения, личного состава подчиненных частей и подразделений, разъяснять населению роль и задачи миротворцев, пропагандировать их ратный труд.

Наиболее успешно функционировало издание 201-й МСД «Солдат России». Газета 201-й Гатчинской дважды Краснознаменной мотострелковой дивизии начала издаваться 9 октября 1993 г.[1]

В штате редакции газеты 201-й МСД «Солдат России» было три офицера – редактор, ответственный секретарь, корреспондент-организатор и служащая РА, выполняющая обязанности корректора-машинистки. Была и своя типография, которая состояла из начальника типографии и пяти военнослужащих, занимающих должности старшего водителя-электрика, водителя-дизелиста, наборщика ручного набора, наборщика машинного набора и печатника.

Газета выходила высокой печатью, форматом А-3, первоначально с октября 1993 г. по апрель 1994 г. на 2 полосах, с апреля 1994 г. по конец 1994 г. на 4, далее на 8 страницах. Максимальное количество полос – 24. Тираж с приложениями (до государственной регистрации) – 999 экземпляров, после получения «Свидетельства о регистрации» – от 1,5 до 5 тыс. экз.[2]

Приложения: газета казачьей общины – «Амударьинская линия», газета православного Храма Великомученика и Победоносца Георгия – «За други своя», газета русской общины – «Восточный форпост». Основные тематические направления

[1] Редакция газеты «Солдат России» 201-й военной базы России / Архив Фонда «Единство» // centcav.ru/vond-edinstwo. Дата обращения: 21.09.2015.

[2] Козлов А.В. От Афганистана до Чечни: газеты соединений и объединений в особых условиях. М.: ВУ, 2006. С. 8.

газеты были продиктованы особыми условиями, в которых находился личный состав дивизии: освещение боевых действий на таджикско-афганской границе, общественно-политическая обстановка в Республике Таджикистан и в сопредельных государствах, освещение проведения миротворческой операции, боевая подготовка и краеведение.

В газете публиковались фотографии и назывались фамилии солдат и офицеров, отличившихся в ходе миротворческой операции.

Отношение командования и личного состава к газете «Солдат России» было благожелательным. Особой популярностью она пользовалась на заставах, блокпостах и в дальних гарнизонах. Объяснялось это тем, что газета «Солдат России» продолжительное время была в Таджикистане единственным доступным для военнослужащих российским печатным СМИ.

«Солдат России» продавался за пределами российских воинских частей, распространялся через посольство России в Таджикистане, ветеранские организации, русскую общину. Командование соединения использовало газету как средство борьбы с незаконными действиями местных властей, направленными на ущемление законных интересов российских военнослужащих. По итогам конкурса печатных изданий Министерства обороны РФ в 1995 г. газета 201-й МСД «Солдат России» была признана лучшей в Вооруженных Силах РФ.

Типография была оснащена стационарным оборудованием, имелся и полевой комплект типографского оборудования (АТМ-80), который размещался на базе двух автомобилей ЗИЛ-131.

После того, как в 1996 г. в Душанбинском гарнизоне 201-й МСД был развернут телецентр, образовавшийся тандем оказывал значительное влияние на общественно-политическую ситуацию в регионе. Стационарный телерадиоцентр 201-й МСД «ТВ-201» состоял из четырех человек – начальника, старшего техника, редактора и звукорежиссера.

«ТВ-201» имел выделенную частоту и собственную съемочную, монтажную и ретрансляционную базу, что позволяло вести ежедневную независимую от местных властей ретрансляцию на Душанбе российских телеканалов и 3-часовое авторское вещание, которое имело следующую программу: 19.30 – новостной блок; 19.50 поздравления; 20.40 – художественный фильм; 21.50 – рекламный блок. В 1999 г. на базе телецентра была организована ретрансляция российских радиостанций.

Приоритетными направлениями были – показ заботы государства о воинах КМС и укрепления связи с Родиной; пропаганда мужества, героизма и высокого боевого мастерства военнослужащих КМС. Несмотря на определенные цензорские рамки, многие журналисты сумели показать всю напряженность и опасность воинского труда. Разрабатывая эту тему, наиболее часто использовался очерковый подход к подаче материалов, что позволяло на позитивных примерах показать весь путь становления героев, показать местным жителям истоки мужества, отваги, высоких профессиональных качеств воинов, ярко и образно представить сам факт подвига.

Показ примеров дружбы, войскового товарищества и наставничества, пропаганда дисциплинарной практики в работе командиров, распространения правовых знаний, выявления фактов неуставных взаимоотношений, борьбы за здоровый образ жизни – работа СМИ была направлена как непосредственно на войска, так и на членов семей военнослужащих. Командирам и воспитательным органам предписывалось повысить роль средств массовой информации, в том числе и гражданских, в освещении опыта и критическом анализе работы по укреплению воинской дисциплины и правопорядка. Результатом проводимой работы стала тенденция к снижению уровня правонарушений, в том числе и в отношении граждан Таджикистана, что, в свою очередь, повлекло укрепление авторитета российских войск

в этой стране. Говоря об успехах информационного обеспечения миротворческих сил в Республике Таджикистан показателен факт, что за все время проведения операции, не был зафиксирован ни один случай попытки перехода военнослужащих КМС на сторону противоборствующих сил.

Разоблачение преступлений оппозиции, показ сильных и слабых сторон ее вооруженных формирований происходили непосредственно в ходе операции. В войсках распространялись соответствующие информационно-справочные материалы. Наиболее ярким было освещение преступлений по отношению к российским военным, гражданским специалистам, мирному населению и таджикским военнопленным.

Пропаганда идей российско-таджикской дружбы, боевого содружества воинов КМС и силовых структур Таджикистана, рассматривалась в качестве одного из основных направлений работы прессы. Серьезным недостатком в руководстве работой средств массовой информации стало запаздывание руководящих документов, которые должны были создавать юридическую основу для такой работы. Только в 1994 г. были введены основные правила поведения военнослужащих КМС в РТ («Кодекс миротворца»). С этого времени в СМИ в качестве одной из составляющей стала пропаганда благородных поступков воинов КМС по отношению к местному населению.

В 1997 г. благодаря произошедшим изменениям в штатной структуре, за счет сокращения должности корреспондента-организатора в редакции газеты соединения в управление дивизии была введена должность помощника командира дивизии по связям с общественностью и СМИ (ПК по СО и СМИ). После упразднения пресс-службы ОК КМС помощник командира 201-й МСД по связям с общественностью и СМИ выступал координатором деятельности российских военных органов информационного обеспечения на территории Республики Таджикистан. Для информирования населения были проведены десятки пресс-конференций, брифингов командования 201-й МСД, организованы сопровождения российских и международных делегаций и отдельных представителей СМИ. Большую пользу в формирование информационно-пропагандистского комплекса КМС в РТ внесла войсковая стажировка курсантов Военного университета и офицеров информационных служб ВС РФ из внутренних округов.

На базе информационных структур КМС удалось разработать и апробировать оптимальную модель работы командования воинскими частями, соединениями и объединениями со средствами массовой информации и общественными организациями в условиях миротворческих операций. Выводы, сделанные по результатам информационного обеспечения миротворческой операции в Таджикистане, были с успехом использованы командованием и информационными структурами по связям с общественностью и СМИ российских воинских контингентов миротворческих сил по линии ООН в Боснии, Герцеговине и Косово, а также в аналогичных операциях по линии СНГ на постсоветском пространстве.

Александр Салихов

Андрей Валерьевич Козлов, заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента, рекламы и связей с общественностью Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

E-mail: kozlov0170@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ЖУРНАЛИСТОВ

Принято говорить, что у «Международного гуманитарного права», как учебного предмета, счастливая судьба. Сегодня в России нет ни одного юридического вуза, высшего военно-учебного заведения, где не преподавалась бы данная дисциплина. То же самое еще недавно можно было сказать о ее «дочке», курсе – «Международное гуманитарное право и СМИ».

Он сравнительно недавно появился в образовательном поле России. Практика чтения спецкурса по актуальным проблемам международного гуманитарного права (МГП) и средствам массовой информации (СМИ) берет свое начало в середине 1990-х гг. С тех пор преподавание курсов по защите журналиста во время войны под разными названиями постепенно распространилось по высшим учебным заведениям страны и до недавнего времени являлось повсеместным.

Декларируемая цель дисциплины – дать студентам-журналистам необходимый минимум теоретических знаний о действующей системе юридических норм и принципов, применяемых в период вооруженных конфликтов, запрещающих или ограничивающих применение определенных средств и методов ведения вооруженной борьбы, обеспечивающих права индивидов в ходе этой борьбы и устанавливающих международно-правовую ответственность за их нарушения, и его применении в сфере деятельности СМИ.

В ходе изучения предмета решаются следующие задачи: познакомить студентов с историей зарождения МГП, соотношением положений МГП и законов о правах человека, основными документами, регулирующими отношения в данной сфере, применением МГП, последствиями нарушения гуманитарного права; изучить условия, которые создаются вооруженными конфликтами, внутренними волнениями и напряженностью, а также правовые положения о защите журналистов, исполняющих свои обязанности в этих особых условиях; овладеть навыками работы с основными документами, регулирующими отношения в данной сфере, приемами и методами анализа современных актуальных проблем МГП, освещаемых в СМИ.

Особо отметим, что изучение данного курса позволяет воспитывать у студентов чувство ответственности за результаты своей профессиональной деятельности. Для журналиста – ключевой фигуры в регионе, где идет вооруженный конфликт; лица, оказывающего влияние на вопросы защиты гражданских лиц, на возможность доступа гуманитарных организаций в зону конфликта, на то, как противоборствующие стороны соблюдают нормы МГП, как ведут себя по отношению к пленным, раненым – это очень важно.

По всему миру существует тенденция к увеличению нарушений норм МГП в отношении репортеров. Они подвергаются нападениям, их убивают. Цифры погибших и раненых растут. Касается это и российских журналистов, в том числе и бывших учеников преподавателей нашего института. В катастрофе под г. Сочи 25 декабря 2016 г. погибли военные корреспонденты: выпускник МПГУ – П.К. Обухов, воспитанник Военного университета МО РФ – С.С. Абросимов.

Для представителей прессы знания МГП важны, как в плане их собственной защиты, так и правдивости, точности публикаций. Журналистам, работающим в зонах вооруженных конфликтов, необходимо знание МГП, которое «является результатом многолетних усилий международного сообщества для ограничения жесткостей в ходе войны и для сохранения возможности восстановления нормальных отношений между враждовавшими сторонами после прекращения конфликта»[1]. Именно эти знания позволяют им квалифицированно оценить действия сторон конфликта, привлечь внимание к нарушениям норм МГП. А они имеют место во многих горячих точках планеты.

В этих условиях дисциплину «Международное гуманитарное право и СМИ» исключают из учебных планов некоторых факультетов журналистики. Это значит, что знания о столь важном для журналистской профессии блоке правовой подготовки не доносится до части будущих журналистов.

В Институте журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета (МПГУ) удалось сохранить дисциплину и лучшие традиции ее преподавания.

В рамках курса изучаются темы: «Международное гуманитарное право как отрасль права и ее влияние на деятельность СМИ»; «История создания первых международных документов, определяющих статус журналиста»; «Международные правовые документы, определяющие статус журналиста» и др.

На занятиях обсуждаются как правовые, так и профессиональные аспекты деятельности журналиста в условиях вооруженных конфликтов и внутренней напряженности. Например, это происходит на лекционных и семинарских занятиях по темам: «Особенности работы журналиста в зоне вооруженного конфликта», «Правовой статус журналиста во время войны».

В практике работы института – приглашение журналистов, имеющих богатый корреспондентский опыт работы в зонах конфликтов. Среди них – военные журналисты А.С. Бойко («Комсомольская правда»), И.С. Бысенков («Объединенная редакция МВД России»), Н.А. Карташов («Человек и Закон»), В.Н. Литовкин («ИТАР-ТАСС»), Д.В. Литовкин («Известия»), Д.А. Олишевский («Парламентская газета») и др.

Темы, связанные с международным гуманитарным правом, студенты выбирают для исследования в рамках конкурсных работ, курсовых проектов и выпускных квалификационных работ.

Удачным опытом работы в этом направлении стала подготовка студенткой В.А. Лукьяновой работы – «Деятельность международных и российских общественных организаций по подготовке журналистов к работе в условиях вооруженного конфликта». В 2017 г. она завоевала второе место на Конкурсе студенческих научных работ университета.

[1] Дериглазова Л.В. Преподавание международного гуманитарного права студентам неюридических специальностей // Российский ежегодник международного права. СПб, 2016. С. 126.

Задачу по пропаганде основ МГП призван решать Центр исследований деятельности информационных служб и СМИ в условиях вооруженных конфликтов и научный журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

Формирование Центра исследований деятельности информационных служб и СМИ в условиях вооруженных конфликтов началось в 2015 г. на факультете журналистики Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Его учредители ставили перед собой цель – способствовать изучению специфики функционирования ведомственных органов информационного обеспечения и СМИ в условиях войн и вооруженных конфликтов. Сегодня (после объединения вуза с МПГУ) он функционирует при Институте журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

Основные задачи Центра прописаны в его уставе:

– изучение специфики и закономерностей деятельности органов информационного обеспечения и СМИ в условиях войн и вооруженных конфликтов;

– исследование особенностей взаимодействия СМИ с ведомственными органами информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций (ЧС);

– формирование базы данных о деятельности СМИ и ведомственных информационных структур в условиях вооруженных конфликтов;

– популяризация знаний о способах взаимодействия журналистов и органов информационного обеспечения в условиях войн, вооруженных конфликтов, террористических актов и ЧС.

На базе Центра с 2016 г. проводятся занятия по программе повышения квалификации сотрудников ведомственных информационных структур и СМИ по программе «Специалист в сфере информационного обеспечения и связей с общественностью» (объем – 72 часа). В конце 2016 г. повышение квалификации прошла группа офицеров-журналистов Федеральной службы войск национальной гвардии России. Категория слушателей – редакторы, заместители редакторов войсковых СМИ.

Центр участвует в издании научного журнала «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ».

Согласно уставу основными задачами издания являются:

– пропаганда основ международного гуманитарного права;

– изучение специфики и закономерностей функционирования СМИ и органов информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов;

– исследование особенностей взаимодействия СМИ с ведомственными органами информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов, террористических актов и ЧС;

– популяризация знаний о способах взаимодействия журналистов и органов информационного обеспечения в условиях войн, вооруженных конфликтов, террористических актов и ЧС;

– изучение теории и практики отечественной и зарубежной военной журналистики.

Основные рубрики: «История развития международного гуманитарного права»; «Международное гуманитарное право и средства массовой информации»; «Журналист на войне»; «Правовое обеспечение деятельности СМИ»; «Теория и практика военной журналистики»; «Новости Гуманитариума МККК»; «В помощь преподавателю дисциплины «Международное гуманитарное право и СМИ» и др.

Достаточно высокий научный уровень журнала позволяют поддерживать известные ученые – доктора юридических наук С.Н. Бабурин, Т.Д. Матвеева, З.А. Станкевич, О.И. Чердаков, Т.М. Шамба, доктор педагогических наук Т.Н. Владимирова; практики – шеф-редактор журнала «Человек и Закон», заслуженный работник культуры РФ Н.А. Карташов, секретарь Союза писателей России, лауреат Государственной премии России, заслуженный работник культуры РФ, кандидат педагогических наук В.А. Силкин, военный обозреватель ИТАР-ТАСС В.Н. Литовкин, член Правления Союза журналистов Москвы В.И. Черемухин и др.

Журнал сотрудничает с исследователями в сфере международного гуманитарного права, теории и практики военной журналистики, профессиональными журналистами, преподавателями. Среди авторов – аспиранты, магистранты, студенты. Их работы публикуются под постоянными рубриками: «Трибуна соискателя», «Проба пера».

Для активизации организаторской работы с названными категориями авторов издание совместно с Региональной делегацией Международного комитета Красного Креста в России, Беларуси и Молдове (МККК) проводит конкурс научных статей «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

Центр при поддержке Союза журналистов Москвы, региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в России, Беларуси и Молдове, региональной общественной организации «Ассоциация исследователей деятельности информационных служб и средств массовой информации», коллегии адвокатов города Москвы «ТАМИР» проводит олимпиаду «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

В апреле 2017 г. участие в состязании на знание норм МГП приняли студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция». Они представляли Академию гражданской защиты МЧС России, Военный университет Минобороны России, Московский государственный лингвистический университет, Московский государственный институт культуры, Московский гуманитарный университет, Московский педагогический государственный университет. К олимпиаде проявили интерес не только студенты, но и школьники.

Олимпиада проводилась в форме тестирования. Жюри оценивались как результаты команд вузов, так и личные результаты участников.

В основу тестового задания легли материалы по учебной дисциплине «Международное гуманитарное право и СМИ». В заключительную часть теста было включено эссе по проблематике «Роль журналиста на войне».

Высокие результаты были получены, в том числе за счет проведения подготовительных занятий. Они проводились в МПГУ в форме открытой лекции и защиты контрольных работ по тематике «Международное гуманитарное право и СМИ».

Для подготовки вариантов теста использовались методические материалы из учебного пособия «Международное гуманитарное право и СМИ»; учебно-методического комплекса по дисциплине «Международное гуманитарное право и СМИ».

Для объективности оценки работы были зашифрованы. К проверке заданий привлекались преподаватели МПГУ и эксперты Региональной общественной организации «Ассоциация исследователей деятельности информационных служб и средств массовой информации («ЛидТерра»)».

Следует отметить, что знания основ МГП сегодня преподают не только будущим журналистам, но и специалистам по связям с общественностью. Студенты бакалавриата, обучающиеся в МПГУ по направлению «Реклама и связи с общественностью», приобретают знания в области международного гуманитарного права в ходе изучения дисциплины «Теория и практика массовой информации» на занятиях по теме: «Работа журналиста в кризисной ситуации». Для углубления знаний по правовым основам и особенностям деятельности журналиста в условиях вооруженного конфликта, чрезвычайной ситуации используются учебные фильмы Союза журналистов Москвы «Работа журналиста в экстремальных условиях» (части I и II), дистанционный онлайн-курс для военных корреспондентов, размещенный на сайте Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в России, Беларуси и Молдове.

Аналогичного подхода придерживаются и в других вузах. Например, в Академии гражданской защиты МЧС России знания в области международного гуманитарного права студенты направления «Реклама и связи с общественностью» приобретают в ходе изучения дисциплины «Организация взаимодействия со средствами массовой информации». Эта задача решается на занятиях по теме «Организация взаимодействия со СМИ в кризисных ситуациях». В других вузах решению данной задачи служат лекции и семинары по дисциплине «Правовые основы журналистики».

Команда единомышленников, сложившаяся в Институте журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета, и в дальнейшем будет прилагать все усилия, чтобы не только углубить знания студентов в области международного гуманитарного права, но и повышать защищенность выпускников, которым предстоит работать в горячих точках.

Андрей Козлов

КОНКУРС НАУЧНЫХ СТАТЕЙ «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовский конкурс научных статей «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в конкурсе приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Конкурсная комиссия принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала, с концевыми ссылками на использованные источники.

Работы необходимо прислать в адрес конкурсной комиссии (mgp_smi@mail.ru) до 1 марта 2018 года. Подведение итогов конкурса и награждение победителей состоится в апреле 2018 года.

К участию в конкурсной комиссии будут привлечены эксперты Центра исследований деятельности информационных структур и СМИ в условиях вооруженных конфликтов.

Лучшие работы будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

Председатель конкурсной комиссии –
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель ТАСС

ОЛИМПИАДА «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

МГП и СМИ

ДИПЛОМ

Награждается

Шлёнская Ксения Львовна

за 1-е места в номинации

«СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права»

Институт журналистики и медиаобразования Московского педагогического государственного университета

Научный журнал «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ»

МЕЖВУЗОВСКАЯ ОЛИМПИАДА «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

Председатель жюри

Секретарь жюри

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовскую олимпиаду «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в олимпиаде приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Олимпиада состоится в апреле 2018 года на площадке Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета (Учебный корпус «ТАГАНКА» – Верхняя Радищевская улица, дом 16–18). Форма проведения – тестирование.

Заявки на участие просим присылать по электронному адресу: mgp_smi@mail.ru.

Результаты олимпиады будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

Председатель жюри –
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель ТАСС

ПРЕМИЯ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ» (2017-2018)

АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований» при поддержке Фонда «Петербургский международный юридический форум» и адвокатского бюро «Иванян и Партнеры» проводят четвертый ежегодный конкурс на соискание премии за лучшую научную работу по международному публичному праву «Международное право в XXI веке». Информационный партнер конкурса – журнал «Международное правосудие».

Для участия в конкурсе могут быть представлены научные работы, посвященные любому из самого широкого круга вопросов международного публичного права, на русском или английском языке. Работа и другие необходимые материалы должны быть представлены в срок до 12 марта 2018 г.

Победителю конкурса присуждается премия «Международное право в XXI веке», вручается диплом премии и выплачивается денежная сумма в размере 300 000 рублей. Текст научной работы лауреата конкурса будет опубликован в журнале «Международное правосудие».

Ознакомиться с условиями конкурса, а также с порядком подачи конкурсных материалов можно на сайте премии http://intlawxxicentury.ru/ или по следующим контактам: prize@iclrc.ru, +7(495)640-65-65.

Оргкомитет конкурса